

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

5.2

4 выпуска в год на 15 языках

Кризис американской социологии

Иван Селеньи

Глобальная социология под вопросом

Гурминдер Бхамбра

Будущее, к которому мы стремимся

Маркус С. Шульц

После Шарли Эбдо

Стефан Бо,
Мэйбл Березин,
Элизабет Беккер

Глобальные симпозиумы:

- > Социология в Пакистане
- > Вспоминая Ульриха Бека
- > Ирландская социология

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association

ТОМ 5 / ВЫПУСК 2 / ИЮНЬ 2015
<http://isa-global-dialogue.net>

ГД

> От редактора

Будущее социологии и социология будущего

Номер «Глобального диалога», который вы держите в руках – первый из серии номеров о будущем социологии. Известный венгерский социолог Иван Селеньи ставит диагноз социологии США, переживающей тройной кризис – политический, методологический и теоретический. Американская социология утратила политические амбиции, привлекавшие и вдохновлявшие студентов в 1960е - 70е гг. Она потеряла и методологическое превосходство, оказавшись не способной угнаться за каузальным анализом полевых экспериментов, которые пронизывают в настоящее время политической науки и экономики, потеряла она и свое теоретическое воображение, основанное на анализе классических работ. Иными словами, американская социология сбилась с пути, потеряв привлекательность в глазах американских студентов. Действительно ли это так?

Гурминдер Бхамбра из Великобритании выступает с критикой любой попытки сфокусироваться исключительно на странах Глобального севера, как, например, сделал Селеньи, но также и с критикой «туземной» социологии, глобального космополитизма и теории модернизации, вне зависимости от того, взят ли евроцентризм за отправную точку или за точку референтную. Ничто из вышеперечисленного, считает она, не может способствовать развитию глобальной социологии, которая должна реконструировать колониальный и постколониальный опыт, сформированный транснациональными связями. Но может ли существовать глобальная социология без участия Юга? Два молодых пакистанских социолога, Лайла Бушра и Хассан Джавид, описывают препятствия на пути создания социологии в странах Глобального Юга (не говоря уже о создании глобальной социологии), хотя в Пакистане существует национальная социологическая ассоциация, а в МСА входят 19 индивидуальных членов из Пакистана.

Мы также не можем оставить без внимания все углубляющееся присутствие Юга на Севере. По следам убийств в редакции Шарли Эбдо Стефан Бо (Stéphane Beaud) рассказывает о дебатах, раздирающих французских социологов, а Мабель Березин описывает подъем правой политики в Европе. Анализируя опыт своей полевой работы в мечетях Германии, Испании и Великобритании Элизабет Беккер показывает, насколько глубок страх, поразивший сегодня мусульманские сообщества.

Маркус Шульц, вице-президент МСА по работе исследовательских комитетов, переключает наше внимание с обсуждения будущего социологии на вопрос о перспективах социологии будущего, обращаясь к тематике грядущего Форума МСА (10-15 июля 2016 года). Он подчеркивает значимость способности предсказывать будущее и понимать, какие опасности ожидают нас впереди. Будущее находится в руках человечества, и социология должна понимать роль человека в формировании той или иной формы будущего социального устройства. Шульц черпает вдохновение в работах Ульриха Бека, безвременно ушедшего 1 января 2015 года, что, несомненно, представляет собой невосполнимую утрату для социологии и международного сообщества. Он был социологом, чье влияние и вдохновение распространялось далеко за пределы нашей дисциплины. Здесь мы отмечаем его новаторский вклад, публикуя отзывы из Германии, Аргентины, Южной Кореи и Канады.

Наконец, мы продолжаем нашу серию национальных социологий – на этот раз описывая ситуации в Ирландии. Четыре статьи повествуют о глобальных трансформациях, затронувших страну: последствиях всемирного экономического кризиса, ответе возрождающейся публичной сферы, транснациональном характере ирландской семьи, а также последствиях европейской поддержки для ирландского женского движения.

> «Глобальный диалог» доступен на 15 языках [на сайте МСА](#)
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Иван Селеньи, выдающийся венгерский социолог, размышляет о своем богатом и разнообразном опыте в американской социологии и предсказывает ее упадок.

Гурминдер Бхамбра, ведущий социолог из Англии, критикует традиционные подходы к глобальной социологии и предлагает собственную концепцию «взаимосвязанных социологий».

Маркус С. Шульц, вице-президент МСА по исследовательским вопросам, представил тему форума МСА, который пройдет в Вене 10-16 июля 2016 года: «Будущее, к которому мы стремимся: глобальная социология и борьба за лучший мир».

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой.

Помощник редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндолу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчян, Саймон Мапади-менг, Абдул-мумин Саад, Айзе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастоголоу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Андреса Гальи, Рената Баррето Претуран, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суса, Бенно Альвес.

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Андрес Кастро Араухо, Катерине Гайтан Сантамария.

Индия:

Ишвар Моды, Рашми Джайн, Праджья Шарма, Джьоти Сидана, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Иран:

Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Нияеш Долати, Минра Данешвар, Фаззех Хаджехзадех.

Япония:

Сатоми Ямамото, Хикари Кубота, Хацуна Куросава, Масахиро Мацуда, Юка Митани, Аяка Огура, Хиротака Омацу, Фума Сэкигути.

Казахстан:

Айгуль Забировова, Баян Смагамбет, Гулим Досанова, Даренбек Кулейменов, Эльмира Отар, Рамазан Салыкжанов, Адиль Родионов, Нурлан Байгабыль, Гани Мади, Анар Билимбаева, Жүльдуз Галимжанова.

Польша:

Адам Мюлмер, Анна Вандзель, Якуб Барщевский, Юстына Косыцинска, Юстына Зелиньска, Камил Липиньски, Каролина Миколаевска, Кшиштоф Губаньски, Мариуш Финкельштайн, Мартына Мацюх, Миколай Межеевски, Патрыция Пендраковска, Вероника Гаварска, Зофья Пенза.

Румыния:

Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Андрея Акасандре, Рамона Кантараджу, Александру Дуту, Руксандра Йордаке, Михай-Богдан Марьян, Анджелика Маринеску, Анка Михай, Моника Нэдраг, Балаж Телегди, Элисабета Тома, Елена Тудор.

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Гюл Чорбаджиоглу, Нил Мит, Рана Чавушоглу.

Медиаконсультанты: Густаво Танигути, Хосе Регера.

Консультант редактора: Ана Виллареаль.

> В номере

От редактора: Будущее социологии и социология будущего	2
Тройной кризис американской социологии Иван Селеньи, Венгрия	4
Глобальная социология под вопросом Гурминдер Бхамбра, Великобритания	8
Будущее, к которому мы стремимся Маркус Шульц, США	11

> ПОСЛЕ ШАРЛИ ЭБДО

Французские социологи обсуждают убийства в «Шарли Эбдо» Стефан Бо, Франция	13
Экстремистская политика до и после Шарли Эбдо Мэйбл Березин, США	16
Заметки с полей: европейский урожай страха Элизабет Беккер, США	19

> СОЦИОЛОГИЯ В ПАКИСТАНЕ

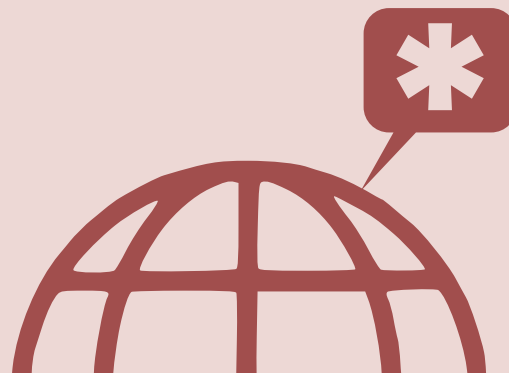
В поисках пакистанской социологии Лайла Бушра, Пакистан	22
Перспективы социологии в Пакистане Хассан Джавид, Пакистан	24

> ВСПОМИНАЯ УЛЬРИХА БЕКА

Ульрих Бек – европейский социолог с космополитическим видением Клаус Дёрре, Германия	26
Ульрих Бек в Латинской Америке Ана Мария Вара, Аргентина	28
Наследие Ульриха Бека в Восточной Азии Санг-Джин Хан, Южная Корея	30
Многообразие влияния Ульриха Бека на социологию Северной Америки Фуюки Курасава, Канада	32

> СОЦИОЛОГИЯ В ИРЛАНДИИ

Ирландия на пути к экономической катастрофе Шон О'Риан, Ирландия	34
В защиту публичной сферы Мэри П. Коркоран, Ирландия	36
Женское движение в Ирландии Полин Каллен, Ирландия	38
Кельтские связи: глобальные семьи Ирландии Ребекка Чийоко Кинг-О'Риан, Ирландия	40

> Тройной кризис американской социологии

Иван Селеньи, Нью-Йоркский университет, США

Сорок пять лет назад Элвин Гоулднер в своей книге «Приближающийся кризис западной социологии» (The Coming Crisis of Western Sociology) предсказывал упадок парсонсовского структурного функционализма и возникновение более рефлексивной социологии. Сейчас кажется, что предупреждение Гоулднера было неуместно для своего времени: парсонсовская социология к 1970 году была мертва, а в социологической науке начинался самый интересный период. Наряду с Гоулднером новый взгляд на критическую социологию разрабатывался такими учеными, как Сеймур Мартин Липсет, Ч. Райт Миллс, С. М. Миллер, Ли Рэйнуотер, Пьер Бурдьё, Дэвид Локвуд, Ральф Милибэнд, Клаус Оффе, Ральф Дарендорф, а также социологами социалистической Восточной Европы того времени, в том числе Зигмунтом Бауманом, Лешеком Колаковским и югославской группой «Праксис». По иронии судьбы кризис, предсказанный Гоулднером, разрешился: социологическая дисциплина вышла из тупика структурного функционализма и превратилась в Мекку для радикальных – и интеллектуально блестящих – студентов. Ранее социология представляла собой скучный список непроницаемых, не поддающихся эмпирической проверке понятий. Теперь же вводные курсы в социологию стали восхитительной территорией политической мобилизации и интеллектуальных состязаний.

Иван Селеньи.

Иван Селеньи – выдающийся социальный ученый, который обращается к исследованию важнейших вопросов нашего времени. Карьера Селеньи началась в 1960-х годах в Венгерском статистическом бюро. Затем он в течение нескольких лет работал в Академии наук, пока не был отправлен в изгнание за критический анализ изучаемой социальной реальности. Его взгляд получил наиболее яркое выражение в книге «Интеллектуалы на пути к классовой власти» (1979) (Intellectuals on the Road to Class Power), написанной в соавторстве с Джорджем Конрадом. Это одно из наиболее значительных и оригинальных восточноевропейских исследований, посвященных государственному социализму. Позже Селеньи эмигрировал в Австралию и основал кафедру социологии в университете Флиндерс. Из Австралии он переехал в США и с успехом преподавал в таких учебных заведениях, как университет Висконсин-Мэдисон, Аспирантский центр Городского университета Нью-Йорка, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и, наконец, Йельский университет. Недавно Селеньи стал деканом-основателем факультета социальных наук Нью-Йоркского университета в Абу-Даби. Его исследования перераспределительной роли рынка в условиях государственного социализма и жизненного пути социалистических предпринимателей, по сей день считаются новаторскими. Селеньи – один из немногих социальных ученых, которые исследуют переход от государственного социализма к капитализму, совмещая исторический и сравнительный методы анализа. В соавторстве со своими студентами Гилом Эйалом и Элиной Таунсли он выпустил книгу «Создание капитализма без капиталистов» (Making Capitalism without Capitalists) (1998). Иван Селеньи изучал как богатейшие элиты, так и самые уязвимые слои населения посткоммунистической Венгрии. Его лекции по истории социальной теории демонстрируют глубокое знание предмета и нетривиальное прочтение. Его репутация среди студентов-социологов во всем мире чрезвычайно высока. Благодаря своей многосторонней компетенции Селеньи рассуждает о судьбе американской социологии в двойной перспективе – как с точки зрения инсайдера, так и аутсайдера.

>>

Иллюстрация Арбу.

Однако в наше время кажется, что слова Гоулднера были пророческими: социальные науки претерпели фундаментальные изменения. При этом неоклассическая экономика, теория рационального выбора и экспериментальные исследовательские проекты выглядят триумфаторами, а социологи все еще находятся в поисках ответов. Нынешние студенты более консервативны, озабочены карьерой и пенсионными фондами. Они потеряли интерес к радикальным теориям. Социологические факультеты с трудом привлекают студентов, чтобы оправдать количество преподавателей, и часто предлагают «соблазнительные» (и часто не очень сложные) курсы с одной целью – увеличить количество учащихся¹.

Представляется, что наша дисциплина переживает тройной кризис. Во-первых, социология потеряла свою политическую привлекательность (и радикальную миссию). Во-вторых, она так и не нашла адекватного способа ответить на методологический вызов экономической или политической теории рационального выбора. И в-третьих, социология никак не может определиться с ответом на вопрос о том, должно ли у нее быть единое теоретическое ядро («великие труды», с которыми должен быть знаком каждый социолог) или она в таком ядре не нуждается.

> Политический кризис

Сорок лет назад социология была дисциплиной, привлекающей радикально мыслящих молодых преподавателей и студентов. В социологию шли те, кто был заинтересован в радикальных реформах или даже в революции. В конце 1960-х – начале 1970-х социологическая профессура (особенно старшее поколение) склонялась к консерватизму, однако студенты были левыми радикалами.

Нынешняя ситуация совершенно противоположная: у нас до сих пор есть радикальные преподаватели, однако студенты, как правило, являются «юными республиканцами». А если ты республиканец, то зачем тебе специальность социолога, если существует экономическая или политологическая теория рационального выбора? Внезапно нашей проблемой становится не то, что у нас недостаточно мест, но то, что мы не можем наполнить студентами аудитории.

Именно это я называю нашим «политическим кризисом». Он имеет двойственный характер: с одной стороны, мы не

можем привлечь достаточное количество студентов, а с другой стороны, все менее вероятно, что социология предложит сценарий радикальных социальных реформ.

> Методологический кризис

Кризис социологии также отражает «методологическую революцию». Огюст Конт настаивал на том, что «наука об обществе» должна иметь ту же методологическую строгость, что и естественные науки. Следуя этому завету, социальные ученые стремятся оправдать слово «наука» в названиях их дисциплин, устанавливая «причинно-следственные отношения» между «переменными».

Могут ли те, кто изучает социальные (и экономические) феномены, делать правдоподобные заявления о причинности? Макс Вебер предполагал, что нет, и сделал выбор в пользу «интерпретативных социальных наук». Социология достигла колоссального успеха в количественных исследованиях, основанных на случайной выборке: она может предсказать исход выборов для населения в сотни миллионов по выборке в несколько сотен человек. Однако этот успех не приводит нас ни на йоту ближе к проверке гипотез о причинности.

Чтобы проверять гипотезы о причинности, нужно иметь возможность выделить часть населения в качестве «экспериментальной группы», которая будет подвергаться воздействию определенного стимула («обработке») таким образом, чтобы остальное население – «контрольная группа» – было изолировано от этого стимула.

В отличие от экспериментов, количественные исследования неизменно страдают от «проблемы выбора». Невозможно сказать с научной точностью, почему различаются результаты населения А и населения Б – потому ли, что население А уже отлично от Б, или же потому, что оно подверглось другой «обработке». Приведу простой пример. Мы знаем, что люди, состоящие в браке, живут дольше. Но как мы можем понять, живут ли они дольше именно потому, что состоят в браке, или же это связано с тем, что здоровые люди более склонны вступать в брак (и все равно прожили бы дольше)? Если бы я мог составить из четырнадцатилетних подростков экспериментальную группу, все члены которой вступят в брак, и контрольную группу, члены которой никогда не будут жениться или выходить замуж, и посмотреть на состояние их здоровья через много лет, я бы мог предложить строго научный ответ на вопрос причинности. Однако такая случайная выборка, конечно, не представляется возможной.

Социальные ученые пытались выбраться из этого тупика. Некоторые пытались идентифицировать «причинные механизмы», писали «нарратив», предполагающий каким образом X может привести к Y (к примеру, что люди, состоящие в браке, меньше выпивают и более регулярно питаются, что приводит к большей продолжительности жизни). Это благородное дело, я сам много раз пользовался этим, однако для «нормальных ученых» такие рассуждения не слишком убедительны. Исследователи, использующие метод массовых опросов, пользуются и другими технологиями, однако ни панельные исследования, ни биографические интервью не решают основную проблему: панельные исследования со временем неизбежно теряют участников, а биографические интервью часто страдают от избирательности памяти респондентов.

>>

Некоторые экономисты и политологи обратились к лабораторным экспериментам. Лабораторные исследования в условиях полного контроля над средой предлагают прекрасное решение с точки зрения случайного распределения, однако невероятной ценой: неизвестна валидность результатов для внешнего мира, то есть, имеют ли силу результаты исследования за пределами лаборатории. Лабораторным экспериментам всегда не хватает случайности выборки – мы не можем экстраполировать результаты лабораторных исследований, которые обычно проводятся на студентах колледжа, принадлежащих к среднему классу. (Еще одно «решение» – так называемый «полевой эксперимент», где может применяться случайная выборка, но редко когда наличествует случайное распределение.)

Тем не менее, экономика и политические науки предлагают логически последовательное (однако, как я показываю ниже, на практике проблематичное) решение проблемы причинности. Социология, однако, занимает оборонительные позиции, и поэтому находится в методологическом кризисе.

> Теоретический кризис

Не лучше у социологии обстоит и с теорией: возможно, она переживает спад, начиная с 1980-х годов. Я совершенно не испытываю ностальгии по унифицированной теоретической ортодоксальности Мертон-Парсонса. На смену структурно-функционализму пришло то, что я понимаю как здоровый теоретический диалог, в котором преобладает дискуссия Маркса-Вебера, однако есть также место для альтернатив, включая символический интеракционизм и этнометодологию.

Должен признаться, что даже в золотые 1960-е социологическая профессура часто ожесточенно спорила по поводу того, каких авторов следует включать в обязательные курсы социологической теории. Сейчас по этому поводу еще больше разногласий – особенно если учесть, что в отчаянных попытках сохранить свои ряды социология пытается обращаться к междисциплинарным программам, таким, как гендерные исследования, афроамериканские исследования, азиатско-американские исследования, исследования чикано, культурология и т. д. Все это – легитимные области исследования и научного интереса, однако включение их в социологию размывает границы дисциплины.

Сравнение социологии с экономикой и политологией поучительно. Для экономистов в целом характерен консенсус по поводу теоретических оснований своей дисциплины. Почти все экономисты, которых я знаю, имеют схожее представление о том, что дает студентам обучение «Принципам микроэкономики» и «Принципам макроэкономики», и почему знание этих предметов необходимо получить прежде чем переходить к более сложным курсам. Среди экономистов существует мало разногласий по поводу того, чему учить студентов на этих курсах. Программы курсов настолько стандартизированы, что любой экономист со степенью PhD может преподавать любой из них. Однако важно заметить удивительное пренебрежение образовательных программ к «классике» экономической теории – это значит, что студенты редко имеют дело с давними теоретическими спорами. Классические споры между теоретиками, возможно, еще будут проявляться в экономической дисциплине, как это

было с идеями Кейнса и Маркса во время глобального финансового кризиса 2008-2009 годов.

В противоположность экономистам, однако, большинство факультетов социологии либо не могут прийти к консенсусу по поводу структуры вводного курса (и вместо этого предлагают ряд курсов по выбору с разительно отличающимися теориями и эпистемологиями), или же предлагают вводный курс, напоминающий фруктовый салат, в котором соблазнительные темы перемешаны со скучным справочником «основных понятий». Права ли экономика, или же социология более разумно решает вопрос «введения» в дисциплину? Я вернусь к этому вопросу в последней части статьи. Однако в настоящее время очевидно, что вводные курсы в экономику приводят к дисциплинарному консенсусу, в то время как социология находится на грани хаоса.

Еще большую тревогу вызывает следующее. Расходясь во мнениях по поводу того, кто же является «классиками» нашей области, мы теряем уверенность в том, какими вопросами должна задаваться наша дисциплина. Когда-то социологи в большинстве своем придерживались единого мнения по поводу того, какие проблемы относятся к сфере их компетенции: неравенство (власти, доходов, жизненных шансов, классовое, расовое, гендерное), образовательные и профессиональные достижения, социальная мобильность. Теперь, однако, нам не только сложно определить наши исследовательские вопросы. К нашему смущению, экономисты и политологи присваивают то, что раньше было нашей территорией. Разве не обидно, что важнейшие современные книги о социальном неравенстве были написаны экономистами, например, Томасом Пикетти и Джозефом Стиглицем? Нас оставляют позади?

> Как выйти из кризиса?

Я завершу свое довольно пессимистичное сообщение повторным упоминанием достоинств и сильных сторон социологического подхода к социальной реальности. Также я предупреждаю своих коллег, что нужно быть осторожным, подражая новым трендам в экономике и политических науках.

Сильной стороной социологического подхода всегда была рефлексивность. Долгая социологическая традиция – начиная с Карла Маркса («Идеи правящего класса в любую эпоху являются правящими идеями») и Карла Маннгейма («...мнения, утверждения, предположения и системы идей подвергаются интерпретации в жизненной ситуации тех, кто их выражает») и заканчивая Элвином Гоулднером («Будущее интеллектуалов и рождение нового класса») – задается вопросами, кто есть говорящий и какова (политическая) роль социолога. До тех пор пока социологи занимаются выявлением «голоса безгласных», у них всегда будет аудитория.

Действительно, студенты стали более консервативны, однако после кризиса 2008-2009 гг. возросло недовольство неравенством, вызванным глобальным капитализмом. Если социология вернется к проблемам большинства – классовому, расовому и гендерному неравенству, власти, бедности, угнетению, эксплуатации, предрассудкам, – то могут вернуться старые добрые времена, когда студенты сидели на ступеньках из-за отсутствия мест, а не оставляли пустые стулья в аудиториях. Призыв Майкла Буравого – это осторожный призыв именно к этому. И заметно, что в Берк-

>>

ли, где он преподает, факультет социологии процветает, его аудитории полны, а аспиранты пишут работы высокого качества. Если социология сохранит свою политическую миссию, она может снова перехватить у экономики эстафету исследования больших социальных проблем, а также вернуть себе критический взгляд, столь характерный для классической социологии Маркса и Вебера.

Многие наши коллеги пытаются разрешить методологический кризис дисциплины, превращая социологию в «нормальную науку» наподобие экономики или политологии рационального выбора. Они моделируют поведение (опираясь на лабораторные эксперименты), а не пытаются описать реальность со всей возможной точностью. Лабораторные эксперименты помогают нам проверять гипотезы о причинности. Однако, как я отметил выше, характерный для них фатальный дефицит внешней валидности может объяснить, почему такое количество «научных прогнозов» неоклассической экономики не сбылось на практике.

Однажды на преподавательском семинаре в Нью-Йоркском университете в Абу-Даби мой уважаемый коллега Жиль Сен-Поль из Парижской школы экономики спросил: можно ли считать экономку наукой?? Его суждение было убедительным: как она может быть наукой, если она использует низкокачественные данные и модели, которые невозможно фальсифицировать? Вместо этого Жиль предложил называть экономику «культурной активностью», определяющей условия дискуссии, но не предлагающей прогнозы, поддающиеся фальсификации.

Я признаюсь, что считаю вопрос «почему» более ценным, чем вопрос «как». Мне сложно принять не поддающиеся фальсификации вещи как хорошее социальное исследование. Но как и Вебер, назвавший объективность «объективностью», я описываю социальные науки как «науки». Ни одна из социальных наук не является «наукой», если наука определяется как корпус предположений, причинно-следственные связи между которыми подлежат тестированию. Социальное действие имеет «волюнтаристский» характер по Гоббсу или Парсонсу, т.е. предполагается, что есть «агент», совершающий выбор (хоть и в заданных условиях). Как проницательно заметил Маркс, «люди сами делают свою историю, но [в условиях, которые] даны им и перешли от прошлого». Люди совершают выбор, и этот выбор находится лишь в стохастических, а не в детерминистских отношениях с их существованием. Вебер был прав: мы можем интерпретировать действия людей, однако мы никогда не сможем сказать, какие из их действий «рациональны», и мы не можем предсказать, что они рационально могут или будут делать.

В этой связи интерпретативная социология ушла далеко вперед от экономики рационального выбора (и политических наук), и социологи делают ошибку, пытаясь здесь под-

ражать более «научным» коллегам-экономистам или политологам.

У социологии есть еще одно преимущество перед другими «социальными науками»: социологи, как правило, с критической рефлексивностью относятся к данным. Это часто более верно для качественных исследователей, чем для «количественных ученых». Этнографы, наученные Говардом Беккером, твердо знают: необходимо «погрузиться» в социальные условия, прежде чем понять, каковы правильные вопросы. Внимательные этнографы и, конечно, некоторые количественные исследователи демонстрируют, сколько осмотрительности нужно для описания социальной реальности.

Для социологии будет лучше принять свою идентичность как «науки», чем Науки в строгом смысле. Да, мы должны задавать вопрос «почему», но мы обязаны со скепсисом подходить к ответу на этот вопрос. В этом отношении для экономики и политических наук будет лучше, если они научатся у социологии толике скромности.

Каков итог? Социология действительно в тройном кризисе. Она неправильно отвечает на «научный» вызов, исходящий от неоклассической экономики и политологии рационального выбора. Она либо подражает им, либо переходит в «модные» или «соблазнительные» междисциплинарные области лишь для того, чтобы вернуть потерянную аудиторию.

Я предлагаю вместо этого вернуться к классической традиции Маркса и Вебера, во времена, когда социология занималась БОЛЬШИМИ вопросами. Неоклассическая экономика и политология рационального выбора могут притворяться науками, однако было бы глупо для социологии пытаться стать еще одной «нормальной наукой» – точно так же, как глупостью было бы отбросить строгость подхода ради соблюдения политкорректности. Почему бы вместо этого не возвратиться к классической традиции, когда социология задавала большие вопросы и в своем рефлексивном, интерпретативном режиме бросала серьезный вызов экономике (и зарождавшимся тогда политическим наукам)? Почему не левая, критическая неоклассическая социология? ■

Корреспонденцию направляйте Ивану Селеньи
<ivan.szelenyi@nyu.edu>

¹ Все комментаторы сходятся на том, что количество студентов-социологов подскочило между 1965 и 1975 годами, а в 1980е годы наблюдался резкий спад. (См. David Fabianic, "Declining Enrollments of Sociology Majors," *The American Sociologist*, Spring 1991; Bronwen Lichtenstein, "Is US Sociology in Decline?" *Global Dialogue* 3.2, и http://www.asanet.org/research/stats/degrees/degrees_level.cfm). С 1980-х стабильно растет число выданных дипломов бакалавров искусств и бакалавров наук. Однако количество студентов, зачисляемых на факультеты социологии, и количество бакалавров-социологов все еще не превышает пикового значения середины 1970-х.

> Глобальная социология под вопросом

Гурминдер Бхамбра, Уорвикский университет, Великобритания, член правления Исследовательского комитета МСА по концептуальному и терминологическому анализу (ИК 35)

Гурминдер К. Бхамбра – одна из важнейших фигур в пост-колониальной социологии. Рассуждая об ограниченности и косности социологии, она демонстрирует, каким образом опыт и вклад колонизированных людей и сообществ оказались вычеркнутыми из общепринятой западной версии истории. В своей последней книге «Взаимосвязанные социологии» (Connected Sociologies (2014) она приводит аргументы, вкратце представленные и в этой статье. Разворачивая критику евроцентристских подходов к глобализации, скрывающих роль, сыгранную «другими» в построении нашего мира, она пишет о маргинализации афро-американской социологии в рамках дисциплины в США, и о том, каким образом современные представления о гражданстве игнорируют историческую изнанку социологии, а именно ее близкие связи с колониализмом и рабством. Помимо прочего, Гурминдер также выступает в качестве редактора новой многообещающей книжной серии «Теория глобальной эры».

Гурминдер Бхамбра.

Считается, что «глобальная социология» представляет собой один из способов компенсировать длительную историю пренебрежения по отношению к тем, кто репрезентирован как «другой» в рамках доминантных евро-центристских конструктов модерности в социологии. Глобальная социология ставит перед собой цель реконструкции социологии мира, глобальной по своей сути в некоем новом смысле. Развитие глобальной социологии включает в себя три основных компонента: (1) переход к парадигме множественных модерностей (2) призыв к созданию мультикультурной глобальной социологии (3) аргумент в пользу глобального космополитического подхода. В то время как эти подходы, казалось бы, принимают во внимание «весь остальной мир», я настаиваю на том, что они делают это на недопустимых условиях.

Я считаю, что, напротив, необходим подход «взаимосвязанных социологий», основанный на пост-колониальной и деколониальной критике евроцентризма как наиболее адекватной рамки для понимания общего глобального настоящего. Основная цель «взаимосвязанных социологий» – переосмысление социологии, помещение историй лишения, колониализма, рабства и отчуждения в самое сердце исторической социологии в частности и социологии в целом. Лишь признавая значение «колониального глобального» в создании современной социологической дисциплины мы можем понять и адекватным образом проанализировать пост-колониальное и деколониальное настоящее, которое сможет стать пространством развития по-настоящему критической «глобальной социологии».

Социология и модерность обычно репрезентированы как создающие и дополняющие друг друга в рамках процесса возникновения современного мира и происходящих в его рамках экономических и политических революций – для чего требуются новые, «современные» формы объяснения. Наряду с этим пониманием, приписывающим модерность Европе, существует идея о том, что остальной мир находился за пределами этих всемирно-исторических процессов.

Колониальные связи и процессы понимаются как незначительные для модерности в местах, где она якобы зародилась, а также к подавлению и деформации модерности за

>>

пределами этих мест. В то время как исторические описания данных революций – и, таким образом, модерности как таковой – подверглись изменениям с течением времени, историографическая рамка (автономного эндогенного происхождения и последующей глобальной диффузии), в рамках которых эти события расположены, продолжает свое существование, даже там, где ведутся разговоры о новой «глобальной социологии».

> Множественные модерности

Теория множественных модерностей заменила модернизационную теорию как независимую исследовательскую парадигму в рамках исторической социологии поздних 1990х. Теория модернизации давно подвергается серьезной критике в рамках марксистских подходов, а также со стороны теоретиков зависимости и низкого уровня экономического развития. Защищая идею о существовании множественных модерностей, ученые пытались избежать двух ошибок: во-первых, представления о том, что существует лишь одна модерность – модерность Запада, на которую все остальные общества будут равняться, и, во-вторых, идеи о том, что взгляд с Запада на Восток неизбежно представляет собой некую форму евроцентризма. Эти ученые настаивают на том, что несмотря на евроцентричность утверждения о существовании лишь одной модерности, особенно той, что сложилась в Европе, теории множественных модерностей все равно принимают Европу за отправную точку в своем анализе альтернативных модерностей. Таким образом, они фактически защищают господствующий, утверждая, что «факт» европейского происхождения модерности невозможно отрицать. Я же, напротив, заявляю, что именно от этого «факта» необходимо будет отказаться, как только глобальные взаимные связи будут признаны и поняты должным образом.

> «Туземная» социальная наука

Более недавние аргументы в пользу «глобальной мультикультурной социологии» основываются на прошлых размышлениях о вопросе «туземизации» социальных наук, призывая к развитию автономных или альтернативных традиций в этой сфере. Эти устоявшиеся аргументы в пользу «глобальной социологии» не всегда оказывают влияние на мейнстримный социологический дебат на Западе, но, несмотря на это, вызывают значительные дебаты, в том числе в Глобальном диалоге. Ключевым моментом в дебате является призыв к развитию или восстановлению автономных социологических традиций, которые основываются на локальном и региональном опыте и практиках. Как и при обсуждении множественных путей модернизации, в этом дебате, однако, практически отсутствует дискуссия о том, что же эти автономные традиции могут дать глобальной социологии. Если считать, что ограничения существующих подходов вызваны невниманием к работам ученых и мыслителей за пределами Запада, тогда основной является проблема маргинализации и исключения. Решение этой проблемы становится призывом к мнимому равенству, через признание различия, а также через попытку компенсировать «отсутствие неевропейских исследователей» в рамках дисциплины. Хотя это, несомненно, важная мера, потенциально способная оказать содействие созданию (более) мультикультурной социологии в будущем, она не вносит равным счетом никакого вклада в решение вопроса проблематичной дисциплинарной конструкции социологии в прошлом и продолжающихся последствий этой конструкции в

настоящее время.

> Космополитичная социология

Теперь мне хотелось бы кратко остановиться на третьем подходе, выделенном выше, а именно претензии на новый универсализм, сфокусированный на глобальной космополитичной социологии. Космополитизм, в этом контексте, представлен в качестве нормативного императива, в рамках которого определенное видение космополитичного будущего могло бы повлиять на формирование политики в настоящем. Такой взгляд, в свою очередь, подкрепляется попытками реконструировать социологию, предложив парадигму космополитизма, основанную на потенциале глобальной инклюзивности. Однако при этом тема инклюзивности остается «потенциальной», так как для большинства теоретиков космополитизма она продолжает зависеть от включенности «других» на «наших» условиях. Универсализм считается необходимым компонентом, чтобы избежать релятивизма локального знания, в том числе Западной социологии, однако отсутствует дискуссия того, как именно космополитизм можно рассматривать в качестве перспективы для рассмотрения космополитических связей, отсутствующих в стандартных историях развития дисциплин. Признание таких историй позволило бы нам переосмыслить социологические концепции и категории, начиная с принятия другого в противовес восприятию его как проблемы, которую необходимо решить.

Все вышеописанные подходы концептуализируют глобальное через аддитивный подход, превозносящий современную множественность культур и голосов без рассмотрения исторических корней и траекторий развития современных глобальных конфигураций. Все три считают глобальное продуктом современных связей между тем, что представляется ранее независимыми цивилизационными контекстами вместо признания того факта, что истории колониализма и рабства находятся в самом сердце развития «глобального». Рассматривая «глобальное» как исключительно недавний феномен, социологическая реконструкция, применение которой предполагают эти подходы, подразумевает адекватность более старых интерпретаций и концептуализаций. Я считаю, что такое видение поддерживает существование уже существующих иерархий в рамках дисциплины. Призыв голосов с периферии к участию в дискуссии с центром предполагает, что социология могла бы быть другой в будущем, но не признает того факта, что для этого ей придется изменить отношение к собственному прошлому (а также к иным формам прошлого, которые она считает важными для осознания себя как дисциплины).

> Взаимосвязанные социологии

Перспектива «взаимосвязанных социологий» - подход, на котором мне хотелось бы заострить внимание напоследок – основана на принятии того факта, что события создаются процессами более масштабными, чем те, которые избраны для социологического осмысления. Она признает множественность возможных интерпретаций и выбора, не как «описание» событий и процессов, а как возможность переосмысления того, что мы, как нам кажется уже знаем. Разные социологии, нуждающиеся в соединении, также расположены в определенном времени и пространстве, в том числе времени и пространстве колониализма, империи и пост-колониализма. Эти новые социологии зачастую кажут-

>>

ся разрозненными и проблематичными, и на этом основании им будет оказываться сопротивление (облегчаемое геопространственной стратификацией академии). Последствия признания разных перспектив, однако, должны привести к разительным изменениям в анализе социальных феноменов и процессов. Иными словами, вовлечение разных голов должно выводить нас за пределы простого плюрализма и изменять наше изначальное видение социального феномена. Это необходимо не для того, чтобы мы все начали мыслить одинаково, но для того, чтобы мы начали мыслить иначе по сравнению с тем, как мыслили раньше.

Идея политического сообщества как национального политического порядка, например, является центральной для европейского понимания себя и европейской исторической социологии. Однако, многие европейские государства были в той же мере государствами национальными, в коей они были государствами имперскими, зачастую до превращения в национальные государства (или параллельно этому процессу), и потому политическое сообщество государства всегда было значительно более широким и стратифицированным, чем принято признавать. В то время как политическое сообщество Британской империи, например, исторически представляло собой мультикультурное сообщество, эта идея редко встречается в современном политическом дискурсе, где границы политического сообщества представляются совпадающими с территориальными границами государства, понимаемого в национальных терминах. При замалчивании колониального прошлого стирается постколониальное настоящее Европы, в частности, и Запада в целом. Политическое последствия такого селективного понимания можно легко увидеть в дебатах об иммиграции, которые уродливо сказываются на любых национальных выборах в Европе.

Выборы представляют собой период, когда условия политических контрактов, связывающих людей вместе, становятся открытыми для обсуждений. В то время как эти контракты, несомненно, подразумевают дискуссии о современных условиях, они возникают в контексте конкретных исторических нарративов принадлежности: по определению «мигранты» исключаются из истории государств, понимаемых в национальных терминах. Исключенные из истории политического сообщества, «мигранты» также лишаются прав в рамках политики и нередко призываются к тому, чтобы ее покинуть. Если же мы понимаем истории национальных государств в

более широком плане, чем описание действий так называемых «туземных» жителей, тогда произвольное сокращение истории до современных национальных границ очевидным образом ошибочно маркирует людей, ассоциированных с более отдаленными территориями империи, в качестве мигрантов, вместо того, чтобы наделить их более подходящим статусом гражданства. Миграция неотделима от нарратива о национальной (и европейской) идентичности. Понимание того, что миграция является важным элементом истории государств, означает понимание того факта, что мигранты исторически также являются гражданами, а не просто потенциальными гражданами, существующими «в режиме ожидания».

Подход «взаимосвязанных социологий», таким образом, подразумевает, что следует начинать исследование, исходя из глобальной перспективы, помещая себя в рамки процессов, благодаря которым возник этот мир. Начиная исследование с определенной места карте мира, мы неизбежно начинаем с истории, связывающей это место с остальным миром, определяя и уточняя связи, которые позволяют выработать интерпретацию, более широкую, чем идентичности или события, которые подлежат объяснению. Более мейнстримные подходы к глобальной социологии, обсуждавшиеся выше, игнорируют вопрос о глобальной истории, считая значительными лишь те связи, которые, как считается, экспортировали европейскую модерность в другие общества. «взаимосвязанные социологии» - это подход, который, напротив, стремится поместить Европу в рамки более широких процессов, рассматривать то, каким образом Европа создала систему колониализма и порабощения, а затем извлекала выгоду из последствий этой системы, а также анализировать, что она могла бы узнать от тех, кого подвергла лишениям, чтобы разобраться с современными проблемами.

Подход «взаимосвязанных социологий» указывает на работу, которую необходимо проделать, чтобы вдохнуть новую жизнь в социологическое воображение, находящееся на службе социальной справедливости во всем мире. ■

Корреспонденцию направляйте Гурминдер К. Бхамбре
<G.K.Bhambra@warwick.ac.uk>

> Будущее, к которому мы стремимся

Маркус С. Шульц, Иллинойский университет в Урбане-Шампейне, США,
вице-президент МСА по исследовательским вопросам в 2014-18 гг.

Всю ночь паломники, альпинисты и туристы со всего мира взбирались по крутому склону горы Фудзи в Японии, чтоб с ее вершины увидеть, как на горизонте восходит солнце. Эта фотография, сделанная Маркусом Шульцем после Всемирного социологического конгресса 2014 года в Йокогаме, тема которого звучала так: «Лицом к лицу с социальным неравенством», предвосхищает предстоящий форум МСА. На нем будет продолжаться обсуждение этой темы, однако больше внимания будет уделено тому, как преодолеть социальное неравенство, как различные социальные акторы, движимые различными ожиданиями, в различных ситуациях по-разному борются с несправедливостью. Мы хотим выяснить, как глобальная социология может поспособствовать этим процессам.

Вице-президент по исследовательским вопросам **Маркус Шульц** освещает тему Третьего форума МСА: «Будущее, к которому мы стремимся: глобальная социология и борьба за лучший мир». Форум пройдет в Вене с 10 по 14 июля 2016 года. В этой статье он рассказывает о том, что вдохновило МСА выбрать именно эту тему. Больше информации о Форуме можно найти на сайте:

<http://www.isa-sociology.org/forum-2016/>

Глобализация общественной жизни сопровождается непрекращающейся несправедливостью, жестокими конфликтами и разрушением окружающей среды. Однако остаются надежды на построение лучшего мира. Во всем мире люди отважно борются за реализацию мечты о справедливом обществе: от джунглей Чьяпаса до кварталов Йоханнесбурга, от арабских улиц до чикагских окрестностей, от миграционных путей до новых виртуальных медиапространств. Энергия утопистов далеко не исчерпана, и она может послужить вдохновением для научных инноваций. Беспрецедентные риски и возможности требуют новых способов концептуализации.

>>

Глобализация вызывает огромный рост производства, порождает огромные материальные богатства. Однако она также обостряет проблемы неравенства, маргинальности и бедности. Рынки, государства, общества и отношения между этими сферами проходят глубокую реструктуризацию, в то время как глобализация создает еще более сложные связи между множеством социальных лестниц. Ни одна страна, ни один город, район или общество не осталось неохваченным этими процессами. Последствия и опыт глобализации различаются в разных контекстах и носят противоречивый характер. Никогда прежде в истории не было такого количества мигрантов, а надвигающиеся климатические изменения, возможно, усилят эту тенденцию. Новые транснациональные пространства увеличивают культурное разнообразие, в то время как мобильность становится все более заметной осью неравенства. Новые информационные и коммуникационные технологии помогают ускорить глобализацию. Однако они не только объединяют людей, но и разделяют их, одновременно способствуя свободному обмену и затрудняя его. Появляются новые формы контроля, надзора и ведения войны.

Детерминистские модели и военная логика реагирования доказали свою недалекновидность, ресурсоемкость и общую контрпродуктивность для мира и безопасности. Долговременные решения требуют более глубокого и методологически открытого анализа проблем, лежащих в основе нынешней ситуации. Последствия новой транснациональной динамики не являются результатом действия неких роковых сил. Они социально формируются человеческими действиями, обусловленными институционально, однако носящими рефлексивный характер. Таким образом, социальные отношения являются результатом человеческого выбора и решений, сознательных или нет.

Многие современные национальные социологии крайне пренебрежительно относятся к будущему. Почему это происходит? Среди причин, которые всегда носят контекстуальный характер, особенно распространен один взгляд. Он предостерегает от размышлений о будущем, поскольку мы не можем о нем ничего знать, а так как мы не должны говорить о том, чего мы не знаем, лучше нам о будущем помолчать.

Эта позиция противоречит тому факту, что все мы ведем повседневную жизнь, опираясь на бесчисленные малые и большие предположения о далеком и близком будущем. Мы считаем что-то возможным или невозможным, вероятным или маловероятным, желательным или нежелательным, и такое отношение влечет за собой последствия. Предвкушение перемен, стремление, ожидание, надежда, воображение, планирование, прогнозирование, предвидение – все это неотъемлемые аспекты человеческого действия, ориентированного на будущее.

Если мы согласимся с тем, что социология должна стать более дальновидной, то перед нами встанет несколько каверзных вопросов. Каким образом можно концептуализировать будущее? Как сделать эту концептуализацию более плодотворной? Как оценивать конкурирующие видения будущего? Найти ответы на эти вопросы – задача, решить которую могут помочь несколько теоретических подходов.

Ранее будущее часто рассматривалось как нечто предопределенное, заранее решенное или хотя бы развивающееся в определенном направлении и, таким образом, при надлежащем подходе предсказуемое. В период становления социологии религиозная вера в некий грядущий телос, казалось, уступила позитивистскому поиску социальных законов. Зна-

ние этих законов, полагали социологи в традиции от Конта до Дюркгейма, будет полезным для управления обществом. Маркс придерживался сходной позиции: он утверждал, что законы истории указывают на неизбежную победу угнетенного пролетариата в классовой борьбе с буржуазией. Однако в своих конкретно-исторических работах он признавал, что не существует автоматических формул, но есть огромное пространство возможных действий. Исследователи, относящиеся к Глобальному Югу (такие как Амин, Кардозо, Дуссель, Гуха, Кихано, Недервин Питерс, Саид, Сантуш, Спивак), бросили вызов универсальным моделям модернизации, согласно которым так называемый Третий мир отстает в развитии и может преодолеть свою предполагаемую отсталость, лишь последовав по пути Глобального Севера.

Несоответствие социального опыта общественным ожиданиям приводит к инновациям в области теории и выпускает на волю призраков радикальной неопределенности. То, что есть, могло бы быть иначе. Существующая реальность могла бы сформироваться иначе благодаря неопределенности человеческого действия – более или менее рефлексивным образом, с более или менее высоким уровнем конфликтов или сотрудничества. Тематика осознания неопределенности все чаще возникает в современной социальной теории: она проявляется во внимании к социальным движущим силам и учете множественных исторических траекторий. Сегодня тема неопределенности выражается в упоре на автопоэзис, креативность, воображение и видение.

Переориентации социологии на исследование будущего может содействовать целый ряд эмпирических, аналитических и нормативных подходов, исследующих крошечные миры микровзаимодействий и широкие макро-тенденции в масштабах всей планеты. Так, например, развитие современной акционистской теории разрушает границы позитивистских моделей и узкого инструментализма. Теории коллективного действия и социальных движений могут помочь выявить альтернативные видения, сформулированные низовыми сообществами и получить более полное понимание политической борьбы. Подходы, разрабатывающие диагностику исторического времени, могут помочь выявить существующие тенденции. Критические теории помогают обосновать те или иные решения, связанные с ценностными предпочтениями, разоблачать корыстные интересы и идентифицировать различные последствия для разных секторов общества.

Актуальные проблемы растущего социального неравенства, нарушения прав человека, изменения климата, деградации окружающей среды – как и стоящая за ними несправедливость в механизмах распределения благ, признания и управления – требуют научных исследований, ориентированной на изучение будущего. Эти исследования должны выходить за рамки узких деловых перспектив и корпоративных интересов и переходить границы в поисках устойчивых альтернатив. Нынешний экономический кризис, возможно, дискредитирует экономические подходы, господствующие с 1980-х годов. Однако более широкая перспектива социальных наук все еще может помочь осмыслить происходящие процессы. Необходимы новые концептуальные перспективы и методологические инструменты для исследований возможных, вероятных, предотвратимых и предпочитаемых вариантов будущего. Чтобы стать более актуальной, социология должна повернуться в сторону будущего и вступить в контакт с многочисленными его вариантами, живущими в представлениях разных социальных акторов. ■

Корреспонденцию направляйте Маркусу С. Шульцу <markus.s.schulz@gmail.com>

> Французские социологи обсуждают убийства в «Шарли Эбдо»

Стефан Бо, Высшая школа социальных наук (EHESS), Париж, Франция

Парижское метро. Фотография Фабьена Труонга. 12 января 2015.

Следует ли социальным исследователям немедленно предоставить комментарий с самого места событий 7-9 января 2015 года, когда произошло вооруженное нападение на редакцию сатирической газеты Шарли Эбдо в Париже и антисемитское убийство в супермаркете кошерных продуктов? Или же лучше сделать пару шагов назад и, держась на безопасном расстоянии, позволить медийным интеллектуалам – этой особой французской породе людей, агрессивно настроенных ко всему социологическому – взять эту задачу в свои руки? Сохранять тишину особенно трудно после того, как события потрясли французское общество и вместе с тем, привели его в движение, что продемонстрировал масштабный, неоднозначный гражданский марш 11 января.

Вскоре после беспорядков 2005 года во Франции Жерар Може (G rard Mauger) предложил новую исследовательскую идею: проанализировать взгляды социологов на эти события. После атак 7-9 января 2015 года массовые СМИ опубликовали серию статей социологов, представляющих различные теоретические подходы. Читатели смогли ознакомиться с различными публичными позициями социологов, отражающими их теоретические и политические взгляды. Написанные сразу же после терактов, эти колонки оживили давнишний спор: какой тип причинно-следственных связей социологи должны воспринять как приоритетный при объяснении событий подобного толка? Какую значимость следует придавать личным характеристикам и социальному происхождению действующих лиц? Явля-

>>

ются ли объяснения, основанные на анализе социальных причин – обязательно макроэкономических и структурных – достаточными? Или такой анализ необоснованно освобождает личность от моральной ответственности? С другой стороны, не освобождает ли нас анализ с фокусом на личных качествах преступника от наших прямых социологических обязанностей?

Эта непростая ситуация породила множество дебатов. Одним из первых высказался французский социолог Юг Лагранж (Hugues Lagrange) из Национального центра научных исследований при парижском Институте политических исследований (Sciences Po), который сослался на свой опыт изучения молодежной преступности в парижских спальных районах. Отвергая «политически корректные» объяснения преступности, он рассматривает этнокультурное происхождение как независимый фактор, а не как продукт дискриминации или синтеза социально-экономической или жилищной динамики. Социальный портрет братьев Куачи или Амеди Кулибали (сыновей пост-колониальных иммигрантов, плохо учившихся в школе, выросших в маргинализированных кварталах в неблагополучных семьях, имеющих судимость) совпал с портретом «его» предыдущих информантов – что Лагранж неоднократно подчеркивал в газете *Le Monde* (14 января 2015 года). Его статья, озаглавленная «Имейте смелость видеть моральные недостатки десоциализированного меньшинства», выделяет два аспекта. Во-первых, автор признает, что сегмент французской молодежи, воспитанный в маргинализованных районах (парижских пригородах, или *cités*) и впоследствии отрезанный от общества, является «десоциализированным» и оказался в ловушке бескомпромиссной и враждебной субкультуры. Эта молодежь стремится компенсировать свои комплексы и ущемленную самооценку, увлекаясь новыми религиозными практиками, в том числе салафизмом и другими формами радикального ислама. Но, утверждает Лагранж, вместо того, чтобы исследовать проблематичные тенденции (мужской шовинизм, сексизм, гомофобию, насилие или антисемитизм), поразившие этот «потерянный» сегмент французской молодежи, французские интеллектуалы «видят на своем пути препятствие в виде чувства вины за колониализм, и не осмеливаются подвергнуть критике моральные недостатки или неподоба-

ющее поведение меньшинств из колонизированных стран».

На следующий день Дидье Фассен (Didier Fassin) – антрополог из парижской Высшей школы социальных наук и Принстонского университета – принял эстафету и заявил, что обязанность каждого социолога заключается в анализе «социальных причин» произошедшего. Молодежь, проживающая в чувствительных городских зонах, испытывает социальную и пространственную сегрегацию, высокий уровень безработицы и прекарность, а также стигматизацию и расовую дискриминацию (на работе, дома или со стороны полиции), пишет он. Напоминающая социальным ученым о том, что их роль, критически важная во времена исторической нестабильности, заключается в том, чтобы избегать того, что историк Марк Блох называл «привычкой осуждать», Фассен приходит к выводу, что «наше общество само произвело то, что теперь считает ужасающим монстром».

Лоран Мукьелли, исследователь Национального центра научных исследований и эксперт по молодежной преступности, также предоставил долгосрочную перспективу (*Mediapart*, январь 2015). Франция не признала своей роли как страны, активно рекрутировавшей рабочих из своих бывших колоний в Северной и субсахарной Африки в период между 1960 и 1980 годами, что привело к двум основным последствиям. Во-первых, иммигранты не стали объектами интеграционной политики и, во-вторых, французскому обществу оказалось непросто признать, что оно является «полностью многорасовым и частично мультикультурным». Признание этого факта заставило бы рассматривать ислам как «часть системы базовых ингредиентов, из которых мы строим себя, отказавшись от страха, вопросов, и запретительных законов» (как, например, закон 2004 года, запрещающий хиджаб в школах). Мукьелли призывает к выработке недвусмысленной позиции, на основании которой можно будет построить общее гражданство, социальную сплоченность и коллективную идентичность». Мои собственные исследования поддерживают эту точку зрения, и в них я объясняю эти факты в свете социальной и экономической пауперизации, религиозной стигматизации и расовой дискриминации – полезного и зачастую необходимого разъяснения, но, к сожалению, далеко

не удовлетворительного с учетом сегодняшних реалий.

На мой взгляд, к прогрессу на пути понимания событий ведут два пути. Во-первых, Сирил Лемье (Cyril Lemieux), исследователь из EHESS, иллюстрирует «теоретическую» позицию в своей статье «Беспокойство в социологии» (*Libération*, 30 января 2015 г). Ключевая фигура активно развивающегося направления «прагматической» социологии, Лемье рассуждает об ограничениях объяснительных моделей, к которым прибегают «определенные социологи». Этот лейбл видимо является завуалированной ссылкой на «критических социологов», условно вдохновляемых работами Пьера Бурдьё. Эти социологи забывают, пишет он, что их задача заключается не только в изучении структурной динамики, но и в том, чтобы «всерьез воспринимать желание [этих молодых джихадистов] стать идеальными мусульманами». Лемье обращается к социологам, которые пренебрежительно отнеслись к гражданскому маршу под лозунгом «Je suis Charlie», в котором приняло участие 3,5 миллиона человек, объявив его формой политической или символической манипуляции. Граждане не вышли на улицы в тот день, по мнению Лемье, потому что «почувствовали необходимость сделать это, руководствуясь своим моральным и политическим воспитанием». Он заканчивает свою статью утверждением, что граждане вполне компетентны в плане саморефлексии, но что этот вид компетентности, к сожалению, был отвержен «критическими социологами».

Второй, более эмпирический подход рассматривает факты, которые не «умещаются» в рамки макросоциологического или структурного аналитического анализа. Детство трех убийц прошло в бедности и лишениях. Братья Куачи осиротели в отрочестве и воспитывались в детском приюте в Коррезе. Однако нельзя сказать, что они были полностью лишены институциональной поддержки, как и совершенно неверно считать их жертвами неслышанной дискриминации. Например, Амеди Кулибали проходил стажировку в компании Пепси-Кола, в течение которой даже встречался с Николя Саркози в Елисейском дворце. Аналогично, Саид Куачи работал в Горсовете Парижа в комиссии «по переработке мусора», хотя был уволен в 2009 году, очевидно, из-за строгой религиозной дисциплины (отказ от рукопожатий с

>>

женщинами и совершение намаза пять раз в день), отдалившей его от коллег.

В соответствии с этой точкой зрения оказывается, что не все джихадисты являются потомками постколониальных иммигрантов и выходцами из малообеспеченных спальных районов. Некоторые молодые профессионалы, в том числе социально интегрированные, оказались восприимчивыми к идеям джихада - священной войны. Некоторые юные адепты выросли в благополучных районах города, удаленных от cités. Так, например, Дания, у которой нет колониальной истории и которая относится к «меньшинствам» совершенно иначе, чем Франция, также сталкивается с угрозой джихадизма. Чем объясняется такая ситуация? Ограничивая наш анализ вниманием к макросоциологическим факторам (бедные спальные районы, неквалифицированная молодежь из семей иммигрантов, дискриминация, институциональный расизм), не воспроизводим ли мы произвольно те самые стереотипы, в соответствии с которыми такая молодежь считается «опасной»?

Возможно, социология религии могла бы помочь нам понять, чем мотивирована религиозная молодежь, каким образом происходит вступление

в сектантское движение, и каковы характеристики его участников. Этот тип объяснения следовало бы привязать к социологии индоктринации, реконструирующей логику экстремистских движений и пытающейся понять, какую поддержку они могут получить от неоднозначных с правовой точки зрения исламских практик. Нам также следует принять во внимание контекст атаки на офисы Шарли Эбдо и попытаться всерьез понять природу неприязни, испытываемой исламистской молодежью по отношению к антирелигиозному юмору журнала. Эту неприязнь непросто понять как юным, так и зрелым гражданам, выросшим на культуре 1968 года, воплощением которой является это издание, называющее себя «глупым и злым журналом». Так, Жюли Пажи из Национального центра научных исследований объясняет, чем насмешка журнала над исламом отличается от насмешек над другими религиями. Карикатуры высмеивали конфессию, находящуюся в подчиненном положении, которая, при этом предоставляет единственную положительную аффилиацию, на которую могут рассчитывать эти молодые люди. Более того, карикатуры напомнили оскорбленным об унижительном колониальном прошлом их рабочих семей.

Таким образом, мы можем критически отнестись к разнообразным выводам, сделанным социологами, а также к тому, каким образом медиа конструируют символическую власть. Неизбежный вопрос, несомненно, заключается в следующем: кому дозволено говорить, а кому нет? После терактов потомки магрибских африканских иммигрантов – успешные предприниматели, актеры, музыканты, комедианты, писатели и спортсмены – начали обсуждать этот вопрос. В дебаты включились представители науки, в том числе социологи. Они вновь подняли вопрос, сформулированный некогда У.Э.Б.Дюбуа в отношении афро-американцев: «Каково это – чувствовать, что ты являешься проблемой для общества, в котором живешь?» Как социологи, мы также могли бы обсудить трудности, с которыми сталкиваемся при изучении социальных миров, из которых происходят братья Куачи и А. Кулибали. У нас отсутствуют богатые этнографические описания иммигрантских спальных районов французских городов, мира, подвергшегося глубоким изменениям за последнее десятилетие. Нам необходимо спонсировать исследовательские гранты для изучения этих вопросов и обеспечить финансовую поддержкой социологов соответствующего бэкграунда. ■

Корреспонденцию направляйте Стефану Бо
<stephane.beaud@ens.fr>

> Экстремистская политика до и после Шарли Эбдо

Мэйбл Березин, Корнелльский университет, Итака, США,
член исследовательского комитета МСА по социологической теории (ИК 16)

Марин Ле Пен,
кандидат в президенты.

Убийства в редакции Шарли Эбдо первоначально изначально рассматривались публикой и политическими лидерами во всем мире как атака на ключевой демократический принцип свободы слова. Однако довольно скоро стало понятно, что эти убийства имеют намного более широкое политическое и социальное значение: произошедшее на следующий день убийство четырех человек в еврейском магазине даже заставило международных журналистов заговорить о возвращении 1930х.

Убийства в «Шарли Эбдо» стали чем-то вроде нового Сараево для Франции и Европы – в том смысле, что теракт мог спровоцировать политический кризис в стране и за ее пределами. Неутихающий долговой кризис, меры жесткой экономии, совпадение сразу нескольких инцидентов с участием беженцев, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, а также антисемитские нападения на синагоги и еврейские кладбища – все эти события способствовали усилению позиций правых националистических партий по всей Европе.

Французский «Национальный фронт» и его лидер Марин Ле Пен находятся в авангарде этих политических процессов. В 2011 году Марин Ле Пен унаследовала лидерство в партии от своего отца, чья провокационная анти-им-

мигрантская риторика несколько десятков лет определяла характер партии. Цель Марин Ле Пен заключалась в том, чтобы превратить «Национальный фронт» в партию правления, а не провокации, и она сфокусировала свою программу на вопросах жесткой экономии, еврокризиса и безработицы. Читатели, не знакомые с историей «Фронта», нередко говорят, что не понимают, на каком основании ее вполне «осмысленные» взгляды вызывают страх в некоторых сегментах общества. Марин Ле Пен, недавно написавшая в Нью-Йорк Таймс, что «исламский фундаментализм» - это «рак ислама», наносящий вред «нашим согражданам-мусульманам», вписывается в общий тренд, когда европейская публика начинает спокойно воспринимать партии, ранее считавшиеся маргинальными.

> Скорость и политическая волатильность

Однако еще более серьезная угроза здоровой европейской демократии заключается в другом. В первую очередь это скорость, с которой меняется европейский политический ландшафт, а также (изменчивость) волатильность избирательских предпочтений и эмоций. Во-вторых, это негативная синергия политического и экономического кризисов, вызванных такими событиями, как «Шарли Эбдо».

>>

Неонацистское движение «Золотой рассвет» в греческом парламенте.

Весна 2013 года стала поворотным моментом, когда поистине наступила «весна разгневанных народов», как сказал бы Хобсбаум. Создается впечатление, что европейская политика начала ускоряться: выборы, следующие друг за другом приносили неожиданные и неприятные результаты. Крайние правые и левые партии начали пробиваться вперед. Хотя Франсуа Олланд и выиграл президентские выборы во Франции, Марин Ле Пен пришла третьей. Крайне левые и крайне правые вместе собрали больше голосов избирателей, чем действующий на тот момент президент Саркози или его оппонент-социалист.

Вскоре после этого греческая анти-иммигрантская партия «Золотой рассвет», исповедующая неприкрытый неонацизм, сместила традиционную правую партию, а малоизвестная социалистическая коалиция СИРИЗА пришла на смену социалистам. В конце 2014 года, лишь через две недели после убийств в редакции Шарли Эбдо, в Греции прошли национальные выборы. В результате теперь Грецией правит СИРИЗА, а «Золотой Рассвет» является третьей по величине поддержки партией в стране. Электоральная нестабильность также проявилась в Швеции, которая не является членом Европейского экономического и валютного союза и не следует мерам жесткой

экономии, введенным Евросоюзом. На последних парламентских выборах в 2014 году правые «Демократы Швеции» получили 13% голосов (ср. с лишь 6% в 2010 г.).

В этот же период итальянское Движение Пяти Звезд заняло первое место на выборах 2013 года, в то время как испанское левое движение Podemos значительно укрепило свои позиции. Хотя немецкое правое анти-иммигрантское движение ПЕГИДА было основано лишь несколько месяцев назад, ему, возможно, вскоре предстоит завоевать сердца электората, особенно учитывая скорость, с которой книга Тило Сарацина «Германия уничтожает себя» стала абсолютным бестселлером.

> Негативная синергия и политическое настроение

Несмотря на существенные различия, у этих партий есть много общего: приверженность своему национальному государству, недоверие евроинтеграции и антагонизм по отношению к глобализации. Они выступают против евро, против жесткой экономии и зачастую за выход из валютного союза. Из-за случая Шарли Эбдо с новой силой разгорелись дебаты по поводу иммиграции и интеграции. В то время как жесткие меры экономии,

>>

насаждаемые ЕС, позволили таким политикам как Ле Пен заявить, что неолиберальная и глобальная повестка является опасной, убийства в редакции французского сатирического журнала добавили весомости аргументам об угрозе исламского фундаментализма, а также о проблемной природе иммиграции. Хотя эти аргументы издавна озвучивались европейскими правыми, после теракта их стал озвучивать и премьер-министр Франции, рассуждая об «этническом и социальном апартеиде во Франции».

В 1919 году Джон Мэйнард Кейнс писал: «События грядущего года будут определяться не преднамеренными деяниями государственных деятелей, а скрытыми течениями, непрерывно действующими в глубоких пластах политической истории, и никто не сможет предсказать исход» (курсив МБ). Комментарии Кейнса об экономической и физической деградации послевоенной Европы тревожно напоминают Европу современную.

Являемся ли мы свидетелями повторения 1930х в Европе и возвращения фашизма? Хотя «Золотой рассвет» неприкрыто исповедует нацизм, цели «Французского национального фронта» и «Шведских демократов» являются по своей сути националистическими, но не авторитарными. Проблемные личности вроде норвежца Андерса Брейвика нельзя путать с когерентными политическими программами. Предрекать возвращение диктатур, подобных режимам 1920х-30х, достаточно наивно – это все равно, что предсказывать сегодня возвращение печатных машинок. Европейские национальные государства на сегодняшний день являются процедурно демократическими – даже «нелиберальная демократия» Виктора Орбана в Венгрии на словах до сих пор именуется именно демократией.

Конечно, мы совершенно не хотим сказать, что повод для беспокойства отсутствует: «скрытые течения» Европы достаточно темны, а коллективные настроения вынужда-

ют искать исторические параллели. В своих мемуарах о Германии 1930х, опубликованных посмертно, Себастьян Хаффнер описывает чувства надежды, отчаяния, страха и ошибочно направленного гнева, которые, несомненно, предшествовали подъему популярности Гитлера. Похожие темные настроения преобладают в Европе сегодня. Во Франции респонденты в недавнем национальном опросе отметили «недоверие», «депрессию» и «неповоротливость» как слова, наиболее точно описывающие их умонастроение. «Энтузиазм» стоял на последнем месте, что вряд ли удивительно, учитывая, что одним из главных бестселлеров является книга «Французское самоубийство» [Le suicide français] консервативного журналиста Эрика Земмура.

Популярность крайне правых и левых партий вряд ли была бы столь ж большой, если бы не экономический кризис и общеевропейская политика экономии. С 1970х гг., однако, экономическая политика и социальные гражданские контракты функционируют не самым лучшим образом. Иммиграционная и интеграционная политика, отсылающая либо к национализму 19 века, либо к мультикультурному идеализму, должна быть пересмотрена. Чтобы пережить настоящий момент, европейским лидерам следует придумать и внедрить новые формы социальной солидарности, которые включили бы всех граждан. Лидерам следует возродить в гражданах чувство коллективной надежды – способности представлять себе общее будущее. Начать следовало бы с экономической перезагрузки. Но одних экономических изменений ни в коем случае не достаточно. Европейским лидерам необходимо задуматься о реальном значении сообщества в политических пространствах, которые до сих пор являются национальными по своему масштабу. Им придется плыть против более очевидных течений или рисковать учащением таких событий, как убийства в Шарли Эбдо. ■

Корреспонденцию направляйте Мэйбл Березин <mmb39@cornell.edu>

> Заметки с полей:

европейский урожаем страха

Элизабет Беккер, Йельский университет, США

Элизабет Беккер в мечети.

Этнография предполагает посещение миров, населяемых другими, наблюдение за другими и участие в их повседневной жизни. В отличие от архивной работы, опросов или экспериментальных методов, этнография уязвима по отношению к реальным мировым событиям, которые могут прервать, перенаправить или вовсе разрушить исследование. Так и вышло с моим исследованием мечетей в трех странах Европы после убийства журналистов «Шарли Эбдо».

Я выбрала мечети в качестве своего этнографического места, чтобы погрузиться в исследование культурного и духовного мира мусульман в Европе и понять, как они сталкиваются с нео-

споримой стигмой, приписываемой их идентичности. Мне хотелось увидеть повседневность мусульман изнутри, с их позиций и в рамках их храмов. Мне хотелось принять непосредственное участие в их повседневной жизни, не ограничиваясь анализом общей непростой политической ситуации, окружающей ислам в наше время. Выход в поле – в мечети Берлина, Лондона и Мадрида – потребовал от меня личной трансформации. И как моднице, и как феминистке, мне непросто далось решение о том, как подать себя, чтобы проявить уважение по отношению к другой культуре, при этом умудрившись не потерять уважение и к своему собственному я. Сначала мне было неловко носить хиджаб, вуаль непокорно падала на пол или закрывала лицо. И

>>

все же вскоре я начала получать удовольствие от процесса, и даже разъезжала в берлинском общественном транспорте в шелковом хиджабе, ловя на себе удивленные взгляды пассажиров. В своем хиджабе я заказывала карри в лондонском Алгейт Ист. Выходя из районной мечети в Мадриде, я также ловила на себе внимательные взгляды прохожих. Я стала жить жизнью мусульманки. Тогда же я начала испытывать страх во всех его разнообразных формах.

В Германии я не испытала страха, когда увидела велосипедиста, обернувшегося, чтобы рассмотреть, как я выгляжу в платке, и упавшего с велосипеда. Не испугалась я и правого движения Про-Кёльн, маленькой, но громкоголосой группы, пытавшейся заблокировать здание крупной мечети в католическом Кёльне. Я совершенно точно не боялась мечетей. Единственный страх, который я испытала на первых порах своего исследования – это страх осуждения со стороны зрелых мусульманок, не понимавших, что мне понадобилось в их мечети. Я не была ни инсайдером, ни аутсайдером, я была одета прилично, но не так, как окружающие меня женщины, я была замужем за мусульманином. Эти женщины зачастую поправляли мой хиджаб, добавляли мне еще один слой одежды (например, накидывали дополнительный платок мне на плечи), тянули вниз штанины моих брюк или подтягивали мои носки вверх, чтобы прикрыть щиколотки. Они старались «помочь мне» вписаться в пространство, в котором аутсайдеры практически никогда не появляются (не говоря уж и о попытках выучить арабские буквы). Они даже попросили разрешить им называть меня Фатьмой, потому что сначала не могли понять, зачем Элизабет постоянно ходит в мечеть. Они хотели дать мне новое имя, чтобы защитить свою территорию, чтобы укрепить свою уверенность в том, что именно они владеют всеми правами на то место, которое я и так считала безраздельно принадлежащим им. Но эти страхи были мелкими и приземленными, как страхи за мою полевую работу и за себя как исследователя, живущего на грани двух миров в разделенном Берлине.

В Лондоне, этой прославленной мультикультурной Мекке, втором месте моей полевой работы, я намного больше чувствовала себя в своей тарелке. Границы между мной и подругами-му-

сульманками, которые, подчиняли всю свою жизнь расписанию ежедневных молитв, были более явными. И все же, наверное, парадоксальным образом, существующие различия позволяли размывать границы. Мне удавалось пересечь границу, отделяющую меня от этой группы и ближе соприкоснуться с миром «другого», обсуждая с женщинами тревоги, связанные со здоровьем и поведением детей, любовь к острому карри и, несмотря на наши разительно отличающиеся вкусы, даже обмениваясь эстетическими суждениями. Эти женщины ставили под сомнение «реальную» мотивацию моего присутствия в мечети, и большинство из них были убеждены, что мои академические цели на самом деле вторичны по отношению к тому, что меня интересовало будущее ребенка в моей утробе.

Я приехала в Мадрид за неделю до теракта в редакции Шарли Эбдо, попивала кофе с молоком и прогуливалась по парку Ретиро. Исследование мечетей начиналось туго, если начиналось вообще. Когда я спрашивала местных о каких-нибудь мечетях по соседству, на меня смотрели широко раскрытыми глазами. «Есть ли мечети здесь в Мадриде? Что? Вы имеете в виду Кордову?» спрашивали они, обнажая полную оторванность от мира, который я собиралась изучать. Когда я спрашивала мусульманок, они посмеивались в ответ: «В центре этого города не может быть мечетей, их вообще не может быть в столице». Как я успела понять, мусульманская община Испании поражена страхом. Теракты в Париже не были причинами этого страха – они лишь усугубили его. До Шарли Эбдо, в первой же мечети на севере Мадрида, которую я посетила, женщины прогнали меня. Я попросила разрешения принять участие в групповых занятиях, на что они солгали мне, что у них такие занятия вовсе не проводятся. Во второй мечети на юге города мужчина у двери спросил меня, по правильному ли адресу я пришла. Я кивнула головой, и он отвел меня к группе женщин, наблюдавших за игрой своих детей – детей, расцеловавших щечки моего сына, пока их матери смотрели на меня с нескрываемым удивлением.

После убийств в Париже я более не ощущала на себе подозрительных взглядов при посещении мечетей, ведь мечети практически опустели. В течение последующих недель я сидела в одиночестве в районной мечети,

открытой только для молитвы, тщательно ожидая женщин, с которыми у меня были назначены встречи. Даже главная мечеть города опустела и была открыта лишь на время молитвы. Однажды я приехала со своим ребенком и нашла в мечети лишь нескольких женщин: две болтали, две молились, одна спала, но ни одна не ответила на мои приветствия. В страхе я покинула мечеть. Впервые за весь период исследования я почувствовала: что-то пошло не так.

Тогда в Мадриде я впервые испугалась, и этот страх стал расти после нападения на журналистов Шарли Эбдо. Мечети опустели, и было заметно, что как внутри, так и снаружи применялись повышенные меры безопасности. Однажды в центре Мадрида я сидела и убаюкивала своего малыша, как вдруг воздух наполнился звуками полицейских сирен. Стражи порядка с автоматами Калашникова собрались по поводу протестов, инициированных испанским крылом правого движения ПЕГИДА («Патриотичные европейцы против исламизации Запада»), организованного в октябре прошлого года в Дрездене. Демонстрации проводились в непосредственной близости к мечетям, несмотря на официальный запрет. После убийств в Шарли Эбдо стены мечетей по всей стране, да и по всей Европе, покрылись жестокими надписями: «Валите в свою страну!» или «Смерть исламу!». Я стала замечать, что в мечетях на меня смотрят со страхом, со мной избегают контакта и изо всех сил стараются держаться на расстоянии. Очевидно, завсегдагаи мечетей сомневались в правомерности моего присутствия, внезапно решив, что мои мотивы могут быть совсем не безобидными, что я могу посещать мечеть не для исследований, не для себя и своего ребенка.

Лишь после парижского теракта я всерьез задумалась о том, чтобы приостановить мое исследование. Я испугалась того, что я, как мне показалось, серьезно недооценила политическую ситуацию, с которой столкнулась. Я исходила из того, что существует граница, разделяющая политический, культурный и социальный миры. В реальности же политическое потрясло эти два мира и изменило мое положение в отношении этих миров. Вне зависимости от характера мечетей, все они столкнулись с угрозами. Впервые я чувствовала себя небезопасно, находясь в мечети. После Шарли Эбдо

>>

друзья из США писали мне взволнованные письма, рассказывая о нарушениях прав человека в Саудовской Аравии и преступлениях ИГИЛ и искренне недоумевая, что я нашла в исламе и как я могу так тесно ассоциировать себя с мусульманами. Не стыдно ли мне? Не страшно ли мне? Мне особенно запомнился разговор с группой молодых испанских мусульман. Они рассказали мне, что им непрестанно приходится защищаться от преступлений, совершенных исламскими экстремистами в других уголках планеты.

Впервые я ощутила страх в Мадриде, и он последовал за мной в Берлин. Подруги, носившие хиджаб, рассказали мне, что теперь из соображений безопасности они больше времени проводят дома, что пассажиры метро смотрят на них со странными усмешками, что они подумывают уехать из Европы. Пожилые турки в Берлине обсуждали за чашкой чая возвращение в Турцию (в Турцию другой эпохи). Юный мусульманин в Берлине рассказал мне об угрозах, полученных в автобусе его сестрой, носившей хиджаб, через несколько недель после парижских событий. Пока она помогала немусульманке в инвалидном кресле заехать в автобус, толпа равнодушно стояла и не двигалась с места, чтобы пропустить женщин. «Ее надо пырнуть

ножом», - без зазрения совести в полный голос заявил один из пассажиров. Через месяц этот же мальчик спросил меня, за что убили трех мусульманок в Северной Каролине. «Ни за что?» - спросил он недоверчиво, и я заметила, что на глаза у него наворачиваются слезы. Одиннадцатилетний мастер кубика Рубика, чей фанатизм распротранялся лишь на шоколадки Ферреро Роше - даже ему стало страшно.

Глобальное лицо нашего мира делает нас всех уязвимыми, наполняет наши сердца страхом. Националистические движения правого толка эксплуатируют людские страхи и отрицают тот факт, что все мы живем на пересечении различных миров. Здесь, в Германии, правое движение ПЕГИДА с новой силой вылилось на улицы Дрездена. 18 000 человек заявили о желании «противостоять исламизации» через выражение ненависти. Стало понятно, что у них множество, много десятков тысяч, единомышленников. Канцлер Ангела Меркель может повторять, что Германия - дом и для мусульман. Я не отрицаю символического значения ее слов, и все же удивленные взгляды при виде платка мусульманки, как и тот факт, что мечети регулярно получают угрозы в свой адрес, дают мне понять, что отстранение «другого» все еще присуще современной Европе.

Значимость слов канцлера обесценивается действиями разнообразных фанатиков - от убийц журналистов в парижской редакции Шарли Эбдо до боевиков ИГИЛ, продолжающих вершить беззаконие на Ближнем Востоке.

Вне зависимости от нашей позиции (исследователя или гражданина) мы не знаем, как бороться с этим многогранным всеобъемлющим страхом, которых захватывает и нас самих. Повышенная секьюритизация и подозрительность лишь затрудняют достижение наших целей. Мы должны объединиться с нашими соседями - независимо от их расовой и религиозной принадлежности - и бороться с экстремизмом на основании той гражданской традиции, которую мы так хотим защитить. Как исследователь мечетей, инсайдер и аутсайдер, находящийся в двух мирах одновременно, я могу сказать, что мой страх перешел из разряда обыденного в разряд экзистенциального после атаки на парижских карикатуристов. Я отступаю, находясь в плену тех самых границ, разрушить которые я так хотела, границ, в которые я искренне не верю, но избежать которых мне теперь не удастся. ■

Корреспонденцию направляйте Элизабет Беккер <becker.elisabeth@gmail.com>

> В поисках пакистанской социологии

Лайла Бушра, Лахорский университет теории управления, Пакистан

Социологию в Пакистане нельзя назвать устоявшейся дисциплиной в западном смысле этого слова. Хамза Алави, чьи ключевые работы были опубликованы в 1960-е и 70-е гг., был нашим первым и единственным социологом, признанным на международном уровне. Со времен Алави серьезная социологическая работа не проводилась в Пакистане. Важный вклад, несомненно, внесли историки, политологи и антропологи. Недавно появилось великое множество книг об исламской воинственности и связях ислама с пакистанскими военными и геополитикой. Но теоретическая и социологическая перспективы отсутствуют. В Пакистане нет и местных социологических ассоциаций или журналов.

Пакистанская «социология» на настоящий момент включает в себя лишь пять социологов (три из которых обучались в США, два – в Англии). Они преподают в частном университете с довольно комичным названием – Лахорский университет теории управления (ЛУТУ). Из этих пяти двое переключили фокус своей преподавательской и исследовательской деятельности на философию и политическую науку, один же в настоящее время находится в творческом отпуске. Учитывая нашу историю и контекст, надежда на улучшение ситуации в ближайшем будущем довольно слаба.

В середине 90х ЛУТУ – самая престижная частная бизнес-школа в Пакистане – открыла первый в стране бакалавриат, на котором работали исключительно преподаватели, получившие образование в Европе и Северной Америке. Так в океане пакистанской дисфункциональной системы образования появился эксклюзивный, дорогой и микроскопический остров американского высшего образования. Поначалу в ЛУТУ открылись лишь две образовательные программы – по экономике и информатике, в учебный план которых входило несколько дисциплин из области гуманитарного знания и социальных наук. В отличие от основных курсов, преподавание здесь велось профессорами-адъюнктами или специалистами (например, дипломатами или психологами), оказавшимися доступными в необходимый момент.

С самого начала студенты крайне положительно реагировали на этот совершенно новый (по пакистанским стандартам) подход к преподаванию социальных наук, хотя они в основном приходили в ЛУТУ именно с целью изучения дисциплин в рамках основных программ по экономике и информатике. Со временем курсы по социальным наукам перестали выступать в качестве дополнительных на основных программах и были оформлены в независимые учебные планы. Это решение было принято с целью образования растущего числа студентов, не способных справиться с высокой учебной нагрузкой программы по экономике и информатике, но все же желавших и способных себе позволить получить диплом ЛУТУ.

Бакалавриату ЛУТУ исполняется двадцать лет. За это время университет претерпел множество изменений и смог добиться ощутимых результатов в плане преподавания социальных наук. Ядро постоянного преподавательского состава посвятило множество усилий разработке учебных программ и определению собственной позиции в стенах университета через консолидацию дисциплинарных кластеров вместо неразборчивого приема на работу исключительно на основании наличия у кандидата западного диплома. Как единственный социолог, работающий на полную ставку, я была приглашена в группу антропологов. Декану факультета (антропологу по специализации) недавно удалось разбить общеобразовательную программу по социальным наукам на несколько отдельных узких программ: политика и экономика, политическая наука, антропология-социология, история и английский, были также введены вспомогательные программы по психологии и философии. Мы организовывали как минимум одну междисциплинарную международную конференцию в год, сотрудничали с рядом ученых международного уровня. Но мы до сих пор не можем справиться с проблемой студенческого спроса и преподавательского предложения. Появляются и новые проблемы, такие как административная враждебность.

За исключением нескольких человек, базирующихся в Пакистане по личным или исследовательским причинам,

“Мы страна без социологии, но нам чрезвычайно необходим социологический анализ”

большинство преподавателей нашего университета рассматривают преподавание здесь как временный контракт и параллельно продолжают поиск лучших возможностей в Европе и Северной Америке или же в последнее время в Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Многие уходят в длительный творческий отпуск, чтобы работать на Западе по краткосрочным контрактам в качестве адъюнкт-профессоров в надежде найти постоянную занятость.

Высшая администрация университета не считает высокую текучесть кадров серьезной проблемой. Они предпочли бы модель широкой, неструктурированной программы преподавания социальных наук, для функционирования которой не требовался бы специальный набор дисциплин и устойчивый штат преподавателей и которая могла бы полностью обеспечиваться временными сотрудниками. В течение более двух лет администрация университета сопротивлялась открытию новых образовательных программ. Их неуважение к нашим дисциплинам подкрепляется низким спросом со стороны студентов. Заинтересованных студентов немало, но только единицы готовы превратить свой интерес в настоящую приверженность, движимую выбором, а не внешним принуждением. Год за годом администрация присылает нам данные о предпочтениях абитуриентов – и наши программы пользуются наименьшей популярностью. Единственная программа, которая еще менее востребована, чем антропология-социология – это история. На наши курсы записываются очень многие студенты, но они воспринимают нашу программу в основном как дополнительную или запасную опцию.

Однако, мы можем сказать, что наш успех заключается в следующем: на магистерском уровне многие студенты переходят в нашу дисциплинарную сферу. Статистика приема достаточно оптимистична. Но и здесь большинство обучающихся выбирает прикладные программы, надеясь, что это обеспечит их работой в медиа сфере, исследовательских центрах или донорских организациях как дома, так и на международном уровне. К таким прикладным программам относятся, например, исследования развития, исследования медиа, государственная политика и в последнее время городские исследования. Учитывая, что наши студенты умны, мотивированы и ам-

бициозны, они продолжают делать такой прагматический выбор. Я предполагаю, что лишь один-два студента в год будут принимать чисто академическое решение – и даже в этом случае оно редко будет в пользу социологии.

Если Пакистан не приходит к социологии, быть может, социология могла бы предпринять немного больше усилий, чтобы прийти в Пакистан? Я не могу себе представить, что многие социологи с западным образованием – в том числе пакистанцы – захотят жить и работать здесь, имея более интересные карьерные опции. Действительно, и сейчас непросто привлечь опытных социологов к работе в Пакистане, даже на временной основе. В 2008-2011 гг. я организовывала серию международных семинаров, приглашая известных ученых на короткий срок приехать в наш университет для чтения лекций и вдохновения студентов и преподавателей. С переменным успехом принимают приглашения историки и политологи, но ни один известный социолог еще ни разу не откликнулся на приглашение. Можно лишь надеяться, что в будущем ситуация исправится. Со своей стороны, мы понимаем, что нам необходимо более активно участвовать в социологических событиях, организуемых МСА.

Наверное, наибольшую надежду можно возлагать все же на студентов магистратур и аспирантур по социологии со всего мира. Пакистан – не только самая «опасная» страна мира, но и самая непонятая. Лишь немногие аспекты государства и общества нашей страны подверглись систематическому анализу. Магистранты и аспиранты, находящиеся в поисках увлекательной и непростой темы для диссертации найдут на примере Пакистана обширный простор для деятельности. Недавние выпускники аспирантуры должны приглядеться к нашему университету, ведь мы предлагаем уютную маленькую преподавательскую среду, наши студенты мотивированы, преподаватели обладают значительной долей автономии, учебная нагрузка адекватна, и есть возможность для совместной работы с коллегами из других дисциплин. Мы страна без социологии, но нам чрезвычайно необходим социологический анализ. ■

Корреспонденцию направляйте Лайле Бушре <laila@lums.edu.pk>

> Перспективы социологии в Пакистане

Хассан Джавид, Лахорский университет теории управления, Пакистан

Занимаясь поисками работы в Пакистане, я осознал, что возможности для трудоустройства социологов в нашей стране ограничены. Как и во многих других уголках планеты, исторический, инициированный государством упор на естественные науки и инженерные специальности поместил социальные и гуманитарные науки на относительную периферию в большинстве университетов страны. Даже там, где социологические факультеты существуют, институциональные барьеры не позволяют в полной мере «развернуться» социологам. В общественном секторе, например, вмешательство правительства в составление учебных планов и академическую свободу, сочетающееся с конкурентной борьбой за ограниченное число государственных рабочих мест, производит среду, не особо способствующую эффективному преподаванию или исследованию. В частном секторе университеты стремятся воспользоваться спросом на образование в сфере экономики, бизнеса и информационных технологий, то есть тем специальностям, которые связаны с потенциально большей финансовой выгодой для выпускника. И в государственном, и в частном секторе исследовательская деятельность практически отсутствует, как и стимулы для занятий исследованиями, не говоря уже и об институциональной поддержке.

В этом контексте я подал заявление на позицию в Лахорском университете теории управления (ЛУТУ), частном университете, входящем в число лучших вузов страны и представляющим собой одно из немногих мест, где поддерживается преподавание социальных и гуманитарных наук. Когда я подавал документы на позицию в Школе социальных и гуманитарных наук ЛУТУ, это подразделение претерпело ряд важнейших структурных изменений. Если ранее университет готовил бакалавров социальных наук и студенты слушали курсы из совершенно разных дисциплин, теперь было решено дифференцировать учебные программы и предоставить возможность получения более узкой специализации. Таким образом, хоть я и социолог, меня попросили преподавать на новом факультете политических наук.

Учитывая мою подготовку в области политической и исторической социологии, а также интереса в вопросах, касающихся государства, класса и демократизации в Южной Азии, перспектива работы на факультете политических наук ни коим образом меня не смущала. Новый факультет мог гордиться и предоставляемым пространством, и спросом со стороны студентов. Политические науки – третья по популярности программа в ЛУТУ после экономики и финансов. Ежегодно сюда поступает около 150 новых студентов, что резко контрастирует с программами по социологии и антропологии, способными привлечь лишь от десяти до двадцати студентов ежегодно. Объяснение этого феномена заключается в том, что диплом по политическим наукам воспринимается (возможно, и ошибочно) абитуриентами как более «продаваемый». Эффект такого низкого спроса на найм преподавателей не нуждается в комментариях. Менее популярные дисциплины – такие как социология и антропология – скорее всего так и останутся маргинальными и недофинансированными, если по какой-либо причине не повысится студенческий спрос.

Работа в Пакистане, несомненно, чревата определенными трудностями и ограничениями. Даже в относительно привилегированной институции, коей является ЛУТУ, добившийся невероятных успехов в защите права на свободу выражения – зачастую необходимо справляться с недостатком академических и научных ресурсов, неадекватным количеством и качеством учебных материалов, низкой институциональной поддержкой исследований, а также отсутствием необходимых учебных программ (например, магистратур). Эти трудности усугубляются отсутствием сообщества коллег-политологов, работающих в близкой дисциплинарной рамке.

Пакистан – мультиэтническая, мультирелигиозная страна с более чем 200-миллионным населением, колониальным прошлым, переживающая стремительную урбанизацию, экономические изменения и транзит к демократии. Мы наблюдаем здесь возникновение разнообразных новых (а иногда и проявление старых) форм политической и общественной мобилизации. Однако, и особенно после

“И в государственном, и в частном секторе исследовательская деятельность практически отсутствует”

событий 11 сентября, исследования Пакистана вращаются вокруг ислама и воинственности. Все больше и больше средств выделяется на исследования этой проблематики (особенно с Запада). Непрестанно растет число исследователей, посвящающих время и энергию поиску ответа на вопросы из этой области. Соответственно, объем другого рода исследований относительно снижается. В рамках политических наук это означает, что большинство факультетов начинают ориентироваться на исследования безопасности и международные отношения. В то же время упор на количественные методы и исследования идет в ногу с интересами зарубежных спонсоров и занимающихся планированием правительственных организаций. Многие исследования в Пакистане фокусируются на узких, «релевантных политике» вопросах, которыми могут всерьез заниматься лишь экономисты, применяющие эконометрическое моделирование. При всей своей сложности и разнообразии, Пакистан нередко воспринимается всего лишь как один из центров религиозного экстремизма и насилия, как страна, проблемы которой можно решить при помощи пары формул, способных продемонстрировать эффективность политических мер. Предвзятое отношение сквозит через всю недавно выпущенную литературу о Пакистане. Даже книги по левой политике и аграрной политической экономии зачем-то включают слово «ислам» в свои заголовки и нарративы.

Как пакистанский социолог, работающий на факультете политических наук, я все чаще замечаю, что обсуждение исследований, общества и теории происходят в рамках именно этих параметров. В своей собственной работе я, однако, рассматриваю взаимоотношения государства и элит Южной Азии, обращая особое внимание на то, каким образом институты и политика колониального периода (особенно в сельскохозяйственном секторе), до сих пор оказывают влияние на способность класса собственников артикулировать и преследовать собственные интересы. Я стремлюсь анализировать последствия этого паттерна для пакистанской современной демократической политики, но мне интересно и то, каким образом власть

элит воспроизводилась или трансформировалась в ходе коренных экономических, политических и социальных изменений.

В отсутствие непосредственной связи с исламом или политикой, однако, внешний интерес к таким вопросам достаточно ограничен. То же самое можно сказать и о других вопросах, в том числе этничности, гендере, урбанизации. Более того, наблюдается очевидное отсутствие социологов в академическом поле. Занимаясь поисками коллег для проведения исследования, я нашел лишь экономистов и политологов, которые, несмотря на несомненный профессионализм, работают в соответствии с законами своих собственных дисциплин и в рамках своих дисциплинарных перспектив. В постановке исследовательского вопроса и дизайне исследования они не в последнюю очередь руководствуются и предпочтениями спонсоров. Коллеги-историки и антропологи рассказывают мне о сходных проблемах в своей работе. И все же концептуальный и методологический разрыв между нашими дисциплинами, к несчастью, слишком велик, чтобы кооперироваться и компенсировать отсутствие других единомышленников.

Социология в Пакистане сталкивается со множеством трудностей, делая все больше уступок таким дисциплинам как экономика и политология, отличающимся более крепкими институциональными связями со спонсорами и правительством. Представляется мало вероятным, что эта ситуация изменится в ближайшем будущем. Те же самые рыночные механизмы и глобальная политика, что препятствуют развитию социологии в стране, заставили множество талантливых студентов (как в Пакистане, так и за его пределами) сделать выбор в пользу карьеры в других областях. Несмотря на это, Пакистан продолжает предоставлять плодородную почву для социологов, которым хотелось бы ответить на интересные и непростые вопросы. ■

Корреспонденцию направляйте Хассану Джавиду <hassan.javid@iums.edu.pk>

> Ульрих Бек – европейский социолог с космополитическим видением¹

Клаус Дёрре, Университет Фридриха Шиллера, Йена, Германия, член ИК МСА по социологической теории (ИК 16), социологии работы (ИК 30), рабочим движениям (ИК 44) и социальным классам и общественным движениям (ИК 47)

Ульрих Бек в 2014 году на вручении награды «За выдающийся профессиональный вклад» ИК МСА по исследованию будущего (RC07).

обратимые последствия, к которым они приводят, представляют собой серьезную всемирную опасность – «демократическая *Allbetroffenheit*» (нем.: всеобщая тревога). Эта угроза касается всех нас и не различает между рабочими и капиталистами. На смену «логике распределения богатства», по мнению Бека, приходит «логика демократического распределения риска», которая более не должна восприниматься в терминах классовой борьбы, рационализации или функциональной дифференциации. По его выражению, бедность иерархична, зато смог демократичен!

Этот экологический социальный конфликт, во-вторых, сопровождается индивидуализацией социальных неравенств. В то время как разрыв между социальными группами, быть может, и не уменьшился за поствоенные десятилетия, социальные группы все же поднялись на уровень (или несколько уровней) в результате так называемого «эффекта лифта» (*Fahrstuhleffekt*). Даже беднейшие слои в среднем располагают намного большими ресурсами, чем предыдущие поколения, и могут совершать выбор из индивидуального списка опций.

Традиционные социальные среды все больше подвергаются эрозии:

Когда в Германии впервые было опубликовано «Общество риска» Бека, по стране прокатилось настоящее интеллектуальное землетрясение. Бек выступил с тезисом, вызвавшим бурные интеллектуальные споры: социальная реальность более не соответствует социологической терминологии, а в недрах кажущейся нетронутой институциональной раковины индустриального модерна на самом деле произошел переход к модерну другого типа. Тем, кто желает его понять, необходимо порвать с доминантным «марксистско-веберовским модернизационным консенсусом» и связанными с ним представлениями о линейности развития. Бек считал мейнстримные социологические теории модернизации, в особенности процесс накопления капитала (по Марксу) или линейный рост рационализации и бюрократизации (Вебер), супрасубъективными ограничениями, источниками поведенческой грамматики для социальных

акторов, которым должна соответствовать вся социальная деятельность. Теория рефлексивной модернизации, с его точки зрения, должна порвать с допущениями линейности, заменив их на аргумент опасности саморазрушения (*self-endangerment*): «дальнейшая модернизация растворяет контуры индустриального общества». В результате автономизированного процесса модернизации индустриальное общество «растворяется» или даже «отменяется» таким же образом, как некогда модернизация индустриального общества растворила статусное и феодальное общество, принесла ему на смену индустриальное.

Бек рассматривал три основных индикатора перехода к иной модерности. Первый включает в себя непредвиденные побочные эффекты промышленного производства, которые, по мнению Бека, стали настоящими двигателями исторического процесса. Экологические риски и не-

принадлежность к классу и страте уже не является опытом, присущим жизненному миру, а является статистическим параметром. Индивид становится последней единицей производства социального в опыте жизненного мира и оказывается вынужденным центром планирования своей мозаичной биографии. В случае отказа от планирования жизни он сталкивается с опасностью пребывания в перманентно невыгодном положении. Субъекты «освобождаются» от социальных форм класса, социального слоя, гендерных ролей и вместо этого «отпускаются» в мир практических ограничений социальной организации.

Именно здесь Бек находит третий важный момент: возникновение субполитики гражданского общества по мере того, как непредвиденные побочные эффекты промышленного производства растворяют границы между политическим и неполитическим. Научно-технический прогресс становится зависимым от социальных категорий легитимации и оправдания. Вне зависимости оттого, говорим мы об атомной энергии или же о геномной инженерии, эксперты должны быть постоянно готовы к столкновению в дебатах с так называемыми «дилетантами», обладающими альтернативной информацией. Таким образом, экологический социальный конфликт меняет политические координаты системы в целом. Устаревшее разделение между правыми и левыми становится все более хрупким. Новые Правые пропагандируют неконтролируемые рыночные силы и ускорение технологического прогресса, в то время как экологически просвещенные Новые Левые перенимают консервативные (с)охранительные принципы, применяя их к окружающей среде, которая доселе лишь непрерывно разрабатывалась и социализировалась. Возникновение экологических движений и зеленых партий, наряду с соответствующими программными трансформациями других политических сил, представляют собой изменения, которые в значительной степени можно объяснить смещением границы между политическим и неполитическим.

На протяжении своей карьеры Ульрих Бек иногда вносил изменения в

ключевые тезисы «Общества риска», но в основном ограничивался уточнением основных тезисов. В целом же он до конца стоял на своих позициях. Надо отметить, что работа «Общество риска» в основном была основана на материале Германии, особенно та ее часть, в которой обсуждалась индивидуализация социальных рисков. Несмотря на это, Бек вскоре приступил к анализу глобального общества риска, возникшего в результате глобализации экологических угроз. Бек последовательно выражал несогласие с «методологическим национализмом», который, по его мнению, насквозь поразил социологию. В качестве замены он развивал космополитическое видение общества, благодаря которому во внимание принимаются транснациональные пространства и трансграничная субполитика, даже с непростыми дислокациями мирового общества риска. В своих попытках сформулировать теорию рефлексивной модернизации, подходящей для теоретизации современных обществ, Ульрих Бек вскоре нашел известных соратников, в том числе Энтони Гидденса, Скотта Лэша и Бруно Латура.

Если проводить ревизию вклада Ульриха Бека в социологию, то можно сказать, что его прочтение экологического социального конфликта, наверное, является наиболее убедительным аспектом его работы. Его рассуждения об определении – и знании – экологических рисков, как и обсуждение «уравнительной силы опасности», не теряют своей актуальности. Действительно, риск, связанный с климатическими изменениями, оказывается в настоящее время в самом центре политической борьбы и переговоров. Конечно, этот вопрос может ситуативно и временно отходить на второй план (как, например, сейчас в контексте кризиса евро), но он, несомненно, вернется с новой силой в форме социального беспокойства.

Одним из важнейших достижений Бека является то, что он проанализировал эту реальность и постарался перевести ее на язык социологической терминологии. Действительно, его диагноз «капитализма без классов» можно подвергнуть сомнению, так как классы, несомненно, «вернулись»,

а классовые различия в государствах становятся все более отчетливыми даже, несмотря на то, что экономический дисбаланс между государствами постепенно снижается на мировом уровне. Социальная дислокация, снижение темпов роста, экологические катастрофы превращают «логику распределения богатства» и «логику распределения риска» во взаимно усиливающие движущие силы двойственного экономического и экологического – «кризиса клешни». Лифт наверх заменяется своеобразным «эффектом заклатья», когда одна группа поднимается вверх именно потому, что другие опускаются.

Таким образом, Ульрих Бек выявил и обозначил существенные изменения в социальном устройстве современных обществ (которые, помимо прочего, помогают нам осознать непреходящую релевантность классических теорий капитализма). При этом он не смог (или не захотел) анализировать нетрадиционные процессы формирования классов. Бек обладал потрясающим чутьем духа времени, новых и неожиданных изменений. В последние годы жизни Бек, как европейский космополит и демократ выступал против «меркиавеллизма», который приводит к тому, что Южная Европа попадает в вечную долговую кабалу, и тем самым ставит под угрозу саму Европейскую Идею и ее часто неудачную реализацию.

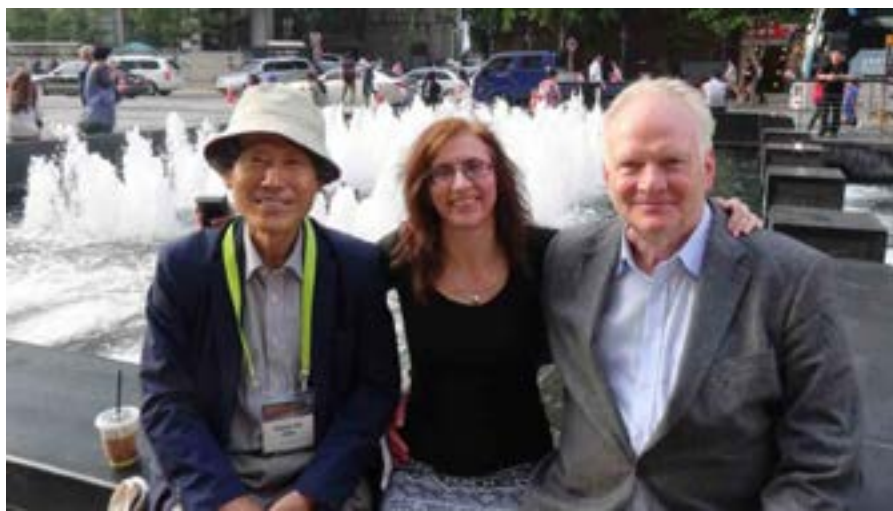
Ульрих Бек оставил за собой впечатляющий след в социологии, которой я, скорее всего, не стал бы заниматься в принципе, если бы не познакомился с его работами. Его слишком ранний уход – невосполнимая утрата для всех нас. Пройдет какое-то время, и немецкая и европейская социология в полной мере осознают, как много потеряно со смертью Бека. Теория рефлексивной модернизации осталась фрагментарной. Чтобы возродить ее уникальный изначальный потенциал для развития критического инновационного мышления, несомненно, следует развивать оставленное Беким интеллектуальное наследие. ■

Корреспонденцию направляйте Клаусу Дёрре <Klaus.Doerre@uni-jena.de>

¹ Перевод с немецкого: Ян-Петер Херрманн и Лорен Бальхорн.

> Ульрих Бек в Латинской Америке

Ана Мария Вара, Национальный Университет Сан Мартина, Аргентина, член правления ИК МСА по проблемам экологии и общества (ИК 24)

Ульрих Бек с Аной Варой и Санг-Джин Ханом.

Как оценить влияние Ульриха Бека на Латинскую Америку? Его работы, в которых так тонко и тщательно анализируется взаимозависимость человека, окружающей среды и научно-технического знания, могут многое поведать гражданам и социальным исследователям в той части света, которую наиболее часто описывают, обращаясь к ее природе и неизменному стремлению к индустриализации.

Существует глубокое родство между понятием общества риска, обсуждавшемся Ульрихом Беком в работах, которые он публиковал на протяжении трех десятков лет, и идеями об автономной позиции Латинской Америки, которые писатели и интеллектуалы региона начали разрабатывать в первые десятилетия двадцатого столетия. Этот дискурс, пронизанный критическим анализом неокOLONIALной ситуации, с которой столкнулись страны Латинской Америки после обретения независимости, выявляет нещадную эксплуатацию природных богатств, замаскированную под прогресс. Эти богатства концентрированы в руках иностранных акторов, находящихся в сговоре с местными элитами. Эти идеи стали частью здравого смысла, они стоят за такими концептуальными подходами как «теория зависимости» 1970х, или более недавние модели «экстрактивизма» и «неоэкстрактивизма». Между теорией Бека и этим дискурсом мы усматриваем отношения диалога, аргументы которого мне хотелось бы восстановить здесь.

Разработанная Беком основная характеристика риска как неизбежного побочного продукта «техно-экономического

развития» (1992:20) привлекает внимание к амбивалентности этого процесса, его двуликой природе. По словам Бека, «плохое», вызываемое «хорошим» в процессе индустриализации, наиболее отчетливо проявляется в тех странах Латинской Америки, которые богаты природными ресурсами, без которых процесс индустриализации и вовсе невозможен, и добыча которых неизбежно влечет за собой социальные и экологические последствия. Проблема распределения риска особо заметна и морально непреодолима в регионе, отмеченном неравенством. В этом плане теоретизация Бека представляет собой важный вклад в понимание давно существующих в регионе феноменов.

Помимо этого, в Европе и США работа «Общество риска» в основном воспринималась как текст, в котором обсуждается «демократический» характер риска, подчеркивается тот факт, что никакие границы не могут сдержать кислотный дождь или радиоактивное облако, образовавшееся в Чернобыле. Однако, с самого начала Бек осознавал взаимосвязь риска и власти, а также видел неравное распределение рисков внутри конкретных стран и на международном уровне. Подразумеваемая Бхопальскую катастрофу в Индии и невероятно загрязненный город Вилла Париси в Бразилии, он написал:

Всемирное уравнивание позиций риска не должно вводить нас в заблуждение по поводу нового неравенства в контексте распределения риска. Это неравенство проявляется в особенности тогда, когда позиции риска и классовые позиции пересекаются, в том числе на международном уровне.

Пролетариат мирового общества риска проживает рядом с дымовыми трубами, очистными сооружениями, химзаводами в индустриальных центрах Третьего мира (1992: 41, курсив в оригинале)

Однако, изначально Бек, кажется, полагал, что риски слепо принимались гражданами развивающихся стран как цена, которую необходимо заплатить за развитие: «Эти люди воспринимают сложную систему конструкций химических предприятий с впечатляющими трубами и резервуарами как затратные символы успеха» (1992: 42). Напротив, исследование дискурса, появившегося в Латинской Америке в двадцатом веке, доказывает обратное: протесты против такого рода проектов проходили уже несколько десятков лет назад.

Уже в 1930 году Николас Гильен, которому было суждено стать официальным поэтом Кубинской революции, писал в стихотворении «Сахарный тростник» следующее:

День ото дня все боле
становится сладок тростник,
но сладость его ни на миг
забыть не дает о неволе,
о горькой и рабской доле.
Господь, спаси и помилуй!
Работаю через силу;
в сахарном этом раю
я жизнь тростнику даю,
а он меня сводит в могилу.

Поэт неоднократно выступал с критикой социально и экономически разрушительной добычи сахарного тростника американскими компаниями на Кубе.

Итак, наследие Бека чрезвычайно актуально для латиноамериканского контекста производство и распределение риска. Еще один значительный вклад в понимание социальных процессов в регионе является само определение риска. Кто обладает властью определять, что считается риском, а что - нет? Те, кто контролирует «отношения номинации», могут извлекать выгоду из своей позиции. Обсуждая «неравенство глобальных рисков» в рамках мирового общества риска, Бек писал:

Тот, кто хочет раскрыть взаимоотношения между мировым риском и социальным неравенством, должен раскрыть грамматику концепции риска. Риск и социальное неравенство, риск и власть – это две стороны одной медали. Риск предполагает необходимость принятия решения, а, следовательно, подразумевает наличие принимающего это решение, и производит радикальную асимметрию между теми, кто принимает решения, определяет риски и извлекает из них прибыль, и теми, на кого эти риски обрушиваются; кому приходится страдать от *непредвиденных побочных эффектов* решений, принятых кем-то другим и кому приходится за них платить, иног-

да даже собственными жизнями, без того, чтобы иметь хоть малейший шанс участия в принятии решения (2014: 115, курсив в оригинале).

Возможно ли, что эта ситуация изменится? Будут ли безвластные услышаны когда-нибудь в будущем, сможет ли Латинская Америка преодолеть неокOLONIALНЫЕ условия, которые до сих пор влияют на социальные процессы? В своих последних статьях Бек утверждал, что в настоящее время в результате «положительных побочных эффектов отрицательного» происходит «метаморфоза мира», которая сулит «изменения, находящиеся за пределами нашего воображения». Эта метаморфоза является в основном последствием изменений климата и того, как они изменили нас: «наш образ существования в этом мире, наш образ мыслей о мире, а также то, как мы представляем себе политику и как мы политикой занимаемся» (2015a: 75-76).

Хотя Бек и провидит различие между «теорией зависимости» и «теорией космополитизации», он предостерегает:

Метаморфоза по своей сути – не является законченной, нескончаемой, неограниченной – и может оказаться обратимой. Даже если отношения власти становятся открытыми, даже если превалирует ориентация на социальное равенство и симметричное распределение зависимости, означает ли это, что космополитические отношения *не могут* быть вновь взяты на вооружение неоимпериалистическими стратегиями? Вовсе нет. Космополитизация не является однонаправленной. Следовательно, она предполагает возможность усиления империалистических властных структур (2015b: 122, курсив в оригинале).

Бек признал, что его идеи о «метаморфозе постколониализма» остались неразвитыми (там же: 121). Его внезапная смерть прервала эту рефлексию. В любом случае, в Латинской Америке социальные ученые и обычные граждане продолжают учиться у Бека. Для нас важно, что многие его книги (например, *Weltrisikogesellschaft* и *Fernliebe*, написанные в соавторстве с Элизабет Бек-Гернсхайм, а также *Das Deutsche Europa*) были переведены на испанский раньше, чем на английский. Ульрих Бек был выдающимся социальным ученым и интеллектуалом, который активно участвовал в публичной дискуссии. Именно эти качества особенно ценятся в нашей части света! ■

Корреспонденцию направляйте Ане Марии Варе <amvara@yahoo.com.ar>

Литература

Beck, U. (1992) [1986] *Risk society. Towards a New Modernity*. London: Sage Publications.

Beck, U. (ed., 2014) *Ulrich Beck. Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society*. London: Springer.

Beck, U. (2015a) "Emancipatory catastrophism: What does it mean to climate change and risk society?" *Current Sociology* 63(1): 75-88.

Beck, U. (2015b) "Author's reply." *Current Sociology* 63(1): 121-125.

> Наследие Ульриха Бека в Восточной Азии¹

Санг-Джин Хан, Сеульский национальный университет, Южная Корея, бывший член правления ИК МСА по социальным классам и общественным движениям (ИК47)

Стараясь держаться стойко после трагического крушения парома «Севоль» в Южной Корее, Бек предположил, что «плохое» событие иногда может непреднамеренно повлечь за собой «хорошие» последствия: большее внимание к безопасности и дискуссию по поводу организованной халатности государства.

Общественное внимание формируется в контексте дискурсивных формаций в ходе исторических процессов социальных изменений. Влияние Ульриха Бека в Восточной Азии - особенно в Китае, Японии и Южной Корее - лучше всего демонстрирует описание сегодняшнего состояния региона, его проблем и возможностей, а также обсуждением современного общественного восприятия рисков, и причин, вследствие которых жители этого региона в настоящее время так чувствительны к проблемам будущего.

Восточная Азия описывается в категориях успеха послевоенной модернизации, которая оказалась исключительно сжатой по срокам и глубокой по преобразующим эффектам. Этот успех помог гражданам восстановить чувство гордости и уверенности в себе. Однако непреднамеренные побочные эффекты стремительной модернизации, движимой бюрократически-авторитарными развивающимися государства-

ми, проявились чуть ли не в каждом аспекте жизни граждан. Как следствие, преимущества «сжатой модерности» часто лишь кажутся неоспоримыми, а в реальности риски приобретают катастрофические масштабы. Общественное внимание непрестанно и хаотично переключается, фокусируясь то на недостатках, то на достоинствах стремительной модернизации.

Нормативные традиции Восточной Азии, такие как конфуцианство, даосизм и буддизм, сохраняются, несмотря на Западный культурный империализм. Привлекая внимание к угрожающим жизни рискам, вызванным капиталистической глобализацией, эти традиции - по своей сути весьма консервативные - по иронии судьбы подхлестнули народную критику общества риска как серьезной угрозы человеческому достоинству, сосуществованию и гуманистической политике.

Есть три ясные причины, по которым Бек так популярен в Восточной Азии.

Во-первых, концепция общества риска, разработанная Беком, была воспринята как глубоко реалистичная, с учетом регулярно происходящих в этом регионе природных и техногенных катастроф (например, в Японии - ядерная катастрофа на АЭС Фукусима Даичи в 2011 году, в Корее - крушение парома Sewol в 2014 году, в Пекине - регулярные пыльные бури и крайне высокий уровень загрязненности воздуха). Во-вторых, помимо описания рисков, Бек предлагает новый взгляд на будущее, а именно идею рефлексивной модернизации, или второй модерности. Эта идея резонирует с тем, что Восточная Азия находится в поиске собственной идентичности и лучшего будущего, представляющего собой нечто большее, чем дубликат западной модерности. В-третьих, развитая Беком идея партиципаторного подхода к управлению рисками также является довольно впечатляющей, так как порывает как с обычной моделью государственного управления, так и с технологическим подходом к управлению рисками.

>>

Визит Бека в Сеул в июле 2014 года показал степень его общественно-го признания и истинный размах его влияния. Страна еще не оправилась от крушения парома B. Sewol в апреле. Некомпетентность правительства вызвала общественное недовольство, скорбь и гнев по поводу сотен погибших, среди которых было множество детей, находившихся на школьной экскурсии. В этом контексте Бек выступил с публичной лекцией в переполненном Международном конференц-зале пресс-центра «Корея». Хотя выступление в основном было посвящено климатическим изменениям, тем не менее, он нашел теплые слова утешения, отметив, что выражение общественного недовольства по поводу трагедии могут послужить катализатором важных социальных изменений. Отмечая, что «плохое» иногда приводит к «хорошим» последствиям, он отметил, что ужасная трагедия привлекла внимание к вопросу безопасности и способствовала дебатам об организованной безответственности властей.

Чуть позже Бек присоединился к первому форуму Альянса исследовательских центров мегагорода Сеула (Seoul's Megacity Think Tank Alliance, MeTTA), проходившему под лозунгом «Преодолевая риск – на пути к безопасному городу». В прямом эфире из Сеульской мэрии, Бек подчеркнул свое видение новой политики:

Ныне стало очевидно, с какими проблемами чаще всего сталкиваются страны Восточной Азии. Эти нации взаимосвязаны [...], но они противостоят друг другу по историческим вопросам. Если государствам не удастся создать Азиатский Союз, возможно, эту задачу могут взять на себя такие азиатские города [...], как Сеул. Они могут работать над созданием модели «Объединенных городов», подобной модели Объединенных наций. Города в настоящее время становятся космополитичными, а «глобальные» мегаполисы – еще более космополитизированными [...]. Именно это является отправной точкой для междугороднего сотрудниче-

ства.

Внезапная смерть Бека повергла в шок корейское общество. И консервативные, и либеральные СМИ выразили почтение известному социологу. Мэр Сеула Парк Вон-Сун выразил соболезнования, заявив: «Я буду стремиться превратить Сеул в образцовый город, который благодаря участию граждан и программам международного сотрудничества сможет преодолеть многочисленные риски, о которых предупреждал профессор Бек». Корейский профессор Ким Мун-Джо написал некролог в газете Чунь-ан Илбо, а профессор Хун Чан Сук из Сеульского национального университета, бывшая ученица Бека опубликовала теплые воспоминания об ученом в газете Кюнхан Синмун. Вспоминая о своих встречах с Ульрихом Беком в Мюнхене, она отметила: «Он всегда протягивал руку помощи и обеспечивал теплую поддержку своей ученице, приехавшей из далекой и незнакомой страны на Востоке».

В газете Хангере, я описал Бека как самого добросердечного и увлеченного Западного ученого, которого я когда-либо встречал. По просьбе мэра Парка, Бек собирался начать «Сеульский проект» по управлению рисками января 2015 года. Во время нашего последнего разговора по Скайпу, состоявшегося 22 декабря 2014 г. он даже предложил создать «Парламент акторов риска в Восточной Азии», опираясь в этом случае на идеи Бруно Латура. В марте этого года, когда сеульский проект провел свою первую конференцию, известный буддийский монах Вен Мьенг Джин, с которым Бек и его жена познакомились во время визита в Сеул в 2008 году, провел панихиду в память ученого.

В Японии Бек впервые получил признание в области экологической социологии, а в начале 2000-х годов популярность получила его концепция индивидуализации. Но Бек был по-настоящему замечен после ядерной катастрофы на АЭС Фукусима: в интервью 2011 года, он подробно описал приро-

ду риска и призвал японцев к активному участию в предотвращении монополизации системы принятия решений профессионалами и представителями промышленности.

Влияние теории общества риска в Японии после Фукусимы было подобным тому, которое его концепция получила после Чернобыля. После смерти социолога некрологи, опубликованные в ведущих национальных газетах (Асахи Симбун, Нихон Кейзай Симбун, Маничи Симбун, Йомуири Симбун, Санкей Симбун), а также в местной печати изложили его основные достижения. Близкий коллега Бека, профессор Муненори Сузуки из Университета Хосэй, описал ученого как «интеллектуального гиганта, посвятившего свою жизнь изучению рисков и обладающего невероятно широким кругозором».

Бек был, возможно, менее известен в китайском обществе, но его присутствие в китайской академии, несомненно, было внушительным: по меньшей мере 8000 китайских академических журнальных статей упоминают Бека и категорию «общество риска». Китайские центральные газеты и средства массовой информации сообщили о смерти Бека. В статье «Четыре ключевых понятия теории общества риска Ульриха Бека», опубликованной в газете Wenhui Daily проф. Сунь Годун из университета Фудань кратко обозначил основные категории социальной теории, которые разрабатывал Ульрих Бек: «вторая модерность, рефлексивность, субполитика, космополитизм». Профессор Ву Цян из Университета Цинхуа написал статью о Беке для New Century Magazine. Многие ученые посвятили Беку посты в блогах. Как в Японии и в Корее, смерть Ульриха Бека вызвала в Китае глубокую скорбь. ■

Корреспонденцию направляйте Санг-Джин Хану <hansjin@snu.ac.kr>

¹ Автор благодарит Саз-Сеула Парка, профессора Мидори Ито, Микако Судзуки, профессора Юлина Чена и Жифея Мао за помощь, оказанную в поиске необходимых данных по Корее, Японии и Китаю.

> Многообразие влияния Ульриха Бека на социологию Северной Америки

Фуюки Курасава, факультет социологии, Йоркский университет, Торонто, Канада и член правления ИК МСА по социологической теории (ИК16)

Ульрих Бек на Всемирном социологическом конгрессе МСА в Йокогаме в 2014 году.

Учитывая отчетливую приверженность Ульриха Бека космополитизму - то, что он не только продвигал эту идею на теоретическом уровне, но буквально жил ею и глубоко чувствовал ее - наверное, вполне уместно, что статья о его роли в Североамериканской социологии должна выйти из-под пера японо-франко-канадского социолога. Хотя я уже давно был знаком с работами Бека, впервые я встретился с ним лично, когда он посетил Торонто в середине 2000х годов. Я хорошо помню, как он радовался, видя в архитектуре города примеры модернизма (например, здание мэрии, построенное по проекту финского архитектора Вильо Ревелля). Я помню его энтузиазм по поводу характерного для Торонто этнокультурного плюрализма (Торонто действительно является одной из самых богатых социальных лабораторий мира по изучению этнокультурного разнообразия). Конечно, эти темы находились в центре интеллектуальных интересов Бека, и, пока мы шли и разговаривали, я обнаружил, что, помимо своей интеллектуального значения рефлексивная модернизация и космополитизм являлись для Бека практическими, житейскими вопросами.

Пытаясь осмыслить влияние работ Бека в Северной Америке, мы должны принять во внимания различия, по крайней мере, трех территориально-интеллектуальных социальных миров. Наибольшее влияние, вероятно, он оказал на франкофонную социологию Квебека, что вряд ли удивительно, учитывая ее исторические связи с европейской социологической мыслью. Несколько центральных понятий и аргументов Бека послужили опорными пунктами для работ крупных социологов Квебека, развивающих концепции

общества риска и рефлексивной модернизации (Мишель Фрайтаг, Джозеф Ивон Терье), рост индивидуализации (Даниэль Дажене), а также идею космополитизма как категории, необходимой для анализа панамериканских культурных практик (Жан-Франсуа Коте). Действительно, наиболее авторитетный социологический журнал Квебека *Sociologie et Sociétés* в 2012 г. посвятил специальный номер космополитизму в том понимании этого термина, которое разрабатывал Бек.

Второй североамериканский социологический мир - это англо-канадская социология, находящаяся на перекрестке европейской и американской социологических осей. Хотя, возможно, работы Бека менее заметны в англоязычной Канаде, чем в Квебеке, его произведения все же в значительной степени повлияли, по крайней мере, на три дисциплинарных субполя: социологию секьюритизации и надзора, в частности в отношении связей между режимами новой безопасности и оценки рисков (Дэвид Лион, Шон П. Хиер, Даниэль Белан); социологию окружающей среды на основе исследования кейсов институционализированного государственного управления локальными рисками (Харрис Али); и канадскую политическую экономию, особенно по отношению к прекарной занятости (Лия Воско).

Социология США - крупнейшая из трех североамериканских зон - испытала на себе наименьшее влияние работ Бека; Такая особенность США поражает в свете масштаба влияния Бека в Европе, Азии, Южной Америке (о чем свидетельствуют другие статьи в этом номере «Глобального

>>

диалога»). Можно поддасться искушению объяснить такую аномальную ситуацию противопоставив (в соответствии с избитой формулой) эмпиризм США и теоретизм Европы, но в действительности здесь играют роль более существенные факторы. С институциональной точки зрения, ни одна американская сеть последователей или сотрудников Бека не пыталась распространять его идеи через ведущие социологические факультеты (Мичиган, Висконсин, Чикаго, Беркли, Гарвард, и т.д.) или журналов (*American Journal of Sociology*, *American Sociological Review* и т.д.). Кроме того, вместо попыток создания единой аналитической рамки, Бек предпочитал писать статьи в стиле эссе, в которых он разрабатывал понятийный аппарат, меняющийся в унисон с изменениями социально-исторических обстоятельств. Именно поэтому его концепции было не так легко операционализировать для проведения подробных и точных эмпирических исследований в различных областях социальной жизни. В этом отношении, его довольно приглушенная видимость в социологических кругах США напоминает случай Зигмунта Баумана. Ограниченное влияние обоих этих мыслителей резко контрастирует с квази-каноническим присутствием Бурдьё. Кроме того, применяя влиятельную таксономию Майкла Буравого, можно сказать, что Бек был традиционным публичным социологом, чья работа не вписывается в жесткие рамки профессиональной социологии США. Его публичная интеллектуальная деятельность – в том числе недавняя критика канцлера Германии Ангелы Меркель (или, как Бек называл ее, «Меркиавелли») и ее проекта германо-ориентированной Европы, – не была широко известна в США. А между тем, эта критика представляет собой определенную версию публично и политически ориентированной социологии, к созданию которой давно призывают Майкл Буравой, Орландо Паттерсон, Мишель Ламонт и другие видные социологи США.

В то же время влияние Бека можно обнаружить во многих сегментах социологии США. Ключевые персоны, в том числе Джеффри С. Александер, Крэг Калхун и Саския Сассен, часто ссылались на его труды, а понятие общества риска стало основным принципом социологии окружающей среды в США и некоторых течений социологии науки и техники (в частности, тех, которые занимается с организационным управлением и научно-технической политикой управления рисками). Интересно, что призыв Бека к методологическому космополитизму был озвучен в США еще до появления самого термина: американские феминистки использовали это понятие при социологическом анализе интерсекционных режимов власти, оно также фигурирует в работах теоретиков миросистемы, исторических социологов, изучающие цивилизации и империи, глобальных этнографов и политических социологов. Это говорит нам о том, что существует некая – часто неожиданная – близость между бековской критикой методологического национализма и некоторыми течениями в социологии США.

Чтобы продолжить дело Бека, я хотел бы предложить четыре темы исследований, которые основываются на его наследии. Первая тема - изучение социально-политических последствий все ускоряющихся циклов возникающих глобальных рисков. Такое исследование будет включать интерпретацию высоко селективных процессов, посредством которых организации символически и политически определяют некие события как неотложные риски (например, терроризм), пренебрегая при этом другими (например, системной бедностью и структурным насилием). Во-вторых, мы должны приоритетно изучать влияние глобальных сил на социальные явления - независимо от того, каков их аналитический масштаб - и тем самым проблематизировать, а не принимать как должное, характер «социального» в качестве объекта исследования. В-третьих, мы должны не только изучать функционирование субъектов и институтов, которые представляют эгалитарные и культурно плюралистические коллективные проекты, дружественные космополитизму, но, что не менее важно, понять, как функционируют анти-космополитические, ура-патриотические силы, в значительной мере представленные в глобальном гражданском обществе. В-четвертых, мы должны разрабатывать методологические инструменты, которые позволяют сравнивать и сопоставлять над- или суб-национальные явления, акторов, и институты (такие как города, регионы или транснациональные корпорации), а не ограничиваться изучением национального государства как единицы анализа,

Последний раз я видел Бека в декабре 2014 года на парижском семинаре, посвященном методологии космополитического исследования, когда он с большим энтузиазмом рассуждал о своей будущей книге «Метаморфоза мира». Он рассматривал ее как свой *opus magnum*, аргумент в пользу нового социального мировоззрения и референтной рамки, которая помогла бы проанализировать метаморфологические изменения, которые мы наблюдаем сегодня. Это была, наверное, последняя из его дальновидных идей, и еще один штрих к портрету его интеллектуального творчества. В последний вечер семинара я обедал с другом в небольшом традиционном бистро, одном из тех, что стремительно исчезают из центральных районов Парижа. Уходя из ресторана, мы почти столкнулись с Беком и его женой, Элизабет Бек-Гернсхайм, которая также является перво-классным социологом. Они вышли чуть раньше нас. Мы посмотрели им вслед. Они шли рука об руку и вскоре скрылись в холодном туманном воздухе парижской ночи. Так мне запомнился Ульрих Бек, человек великого интеллекта и нежной души, блуждающий по улицам нашего социального мира. Его смерть - большая утрата для меня лично, для социологии и социальных наук в целом. ■

Корреспонденцию направляйте Фуюки Курасаве <kurasawa@yorku.ca>

> Ирландия на пути к экономической катастрофе

Шон О'Риан, Национальный университет Ирландии Мэйнут, Ирландия

В 1990-х годах по свету пронеслась слава Ирландии как нового стремительно развивающегося «кельтского тигра». Экспортный бум, движимый иностранными инвестициями, попал в заголовки СМИ всего мира, но по-настоящему интересным был иной момент: беспрецедентный рост занятости в стране, исторически страдающей от высокого уровня безработицы и бесконтрольной эмиграции. В конце бума 1990-х годов ирландское общество располагало огромными объемами ресурсов, в том числе экономических, институциональных и культурных. Ирландская экономика стабилизировалась и встала на путь стремительного развития, а тяжкое бремя огромного государственного долга, оставшегося с 1980х, фактически было погашено.

К 2008 году, однако, эти ресурсы испарились, по-видимому, не выдержав финансового кризиса. 1990-е, когда Ирландия была примером для всей либеральной мировой экономики, отошли в прошлое, и теперь ситуация в стране стала ужасным предостережением для многих.

Что вызвало эту драматическую трансформацию? Три крупных мотива современного капитализма - финансовализация, международная интеграция и «либеральная» экономическая политика - тесно переплелись и превратили кризис в Ирландии в настоящую драму. Во-первых, бум 1990-х годов основывался на инвестициях в новые отрасли промышленности, поддерживаемые государством. В 2000-е годы наблюдался рост спекуляций с недвижимостью и неудержимый рост дешевых кредитов. В конечном итоге это привело к банковскому коллапсу, и обширный банковский долг лег на плечи простых граждан.

Во-вторых, финансовализация в Ирландии достигла опасных высот в связи с изменением динамики евроинтеграции. В 1990-х годах значительная доля инвестиций поддерживалась при помощи европейских государственных средств. В 2000-х годах, однако, экономику наводнили огромные объемы частного кредитования, а ирландские банки задолжали крупные суммы международным кредиторам. На политическом уровне, Европейский Союз способствовал углублению финансовой интеграции - в том числе путем введения евро в качестве единой валюты - даже, несмотря на то, что многие национальные правительства и Еврокомиссия снизили объем социальных инвестиций и капиталовложений. Там,

где Европа некогда вкладывала значительные средства в будущее, теперь не осталось ничего, кроме спекуляций.

В-третьих, внутренняя политика Ирландии также помогла превратить давление международной финансовализации в настоящую катастрофу. Правительство конца 1990-х годов сотворило опасный коктейль из популизма и неолиберализма, резко снизив почти все налоги и повысив собственную зависимость от налога на продажу имущества для финансирования увеличения расходов. Когда в ходе кризиса 2008 года лопнули пузыри недвижимости и кредитования, Ирландия осталась наедине с гигантской прорехой в государственных финансах - и чтобы залатать ее, правительство резко повысило налоги и сократило бюджетные расходы.

История Ирландии преподает нам урок о реалиях экономического либерализма. Ирландский капитализм часто записывают в англо-американскую «либеральную» семью капитализмов, так как он разделяет ряд черт со своими коллегами по группе. Снижение налога на прирост капитала и предоставление налоговых льгот для стимулирования инвестиций, доверие фондовому рынку по обеспечению надзора, минимум контроля деятельности банков вплоть до ограничения доступа государства к какой-либо информации о банковской деятельности - все эти важнейшие и знакомые «рыночные механизмы» непосредственно способствовали катастрофе в Ирландии.

Несомненно, свою роль сыграли и другие обстоятельства. Высокоцентрализованная система управления наделяет огромной властью небольшую кучку ключевых министров, обеспечив, таким образом, узкое замкнутое видение экономического развития и ослабив принципы демократического управления. Налогово-бюджетная политика, раздувшая спекулятивный пузырь и ослабившая национальную налоговую базу, заложила основы для последующей жесткой экономии. Государство всеобщего благосостояния, сосредоточившееся на денежных выплатах, а не на предоставлении универсальных государственных услуг, подорвало общественную поддержку социальных услуг. Все вышеперечисленное относится к политическим факторам, которые оказали большое влияние на ситуацию. Но каждый из этих факторов типичен для «либерального» мира капитализма. Англо-американскому типу либеральной экономики, как правило, свойственна более высокая иерархичность государственных и частных организаций и широкий спектр полномочий партий, находящихся у власти. Этот тип экономической политики, как

правило, сопровождается бюджетным дефицитом, а его преимущества связаны с доходами, а не с общедоступными услугами. Эти функции, конечно же, нельзя назвать рыночными аспектами, но они, тем не менее, являются наиболее распространенными именно в либеральных капитализмах - и, следовательно, представляют собой общие черты реально существующих либерализмов.

Через шесть с лишним лет после кризиса экономика Ирландии демонстрирует признаки нестабильного и хрупкого восстановления. В частности, растет уровень занятости, увеличиваются налоговые поступления, снижается дефицит бюджета. Тем не менее, способность Ирландии двигаться вперед тормозят те же тенденции, которые внесли свой вклад в ее кризис в недавнем прошлом. Хотя банки перестали безрассудно выдавать кредиты частным лицам, как они делали в прошлом, они предоставляют слишком мало кредитов бизнесу. Правительство только сейчас создало давно обещанный государственный инвестиционный банк. И финансы, и рынок недвижимости снова рассматриваются как секторы роста, поэтому рост цен и арендной платы оказывает давление на домохозяйства и малый бизнес.

“ Там, где Европа некогда вкладывала значительные средства в будущее, теперь не осталось ничего, кроме спекуляций ”

Возвращение финансовализации сопровождается очевидно неадекватным политическим ответом, поступающим из еврозоны. Возможно, нет ничего удивительного в том, что европейские лидеры насаждают меры «жесткой экономики», несмотря на то, что социальные демократии Европы исторически неохотно соглашались на дефицит бюджета и не хотят подвергать себя воздействию международных финансовых рынков. Но все же, вне сомнения, удивителен тот факт, что эти же социальные демократии последовательно отклоняют серьезные попытки сбалансировать сокращение расходов и реализацию крупных инвестиционных планов, ориентируясь на цели экономического роста и социального благополучия. Текущий инвестиционный план, реализуемый министерствами, нивелируется новым раундом «количественного смягчения», которое закачивает средства социальных фондов в частные бюджеты.

Наконец, нынешнее правительство Ирландии опять пытается сократить налоги, и эта мера, несомненно, пользуется популярностью у растерянного населения. Это обращает наше внимание на проблему, с которой сталкиваются силы, противостоящие нынешней политике европейской и ирландской экономии. Вопреки распространенному мнению, балансировка бюджетов является тактикой социал-демократов, а не экономических либералов Европы. Они находятся в поисках социальной солидарности в рамках общественного договора, основанного на высоком уровне занятости, развитых социальных услугах и эгалитарной заработной плате. Обеспечение этого социального пакета благ предполагает весьма осторожную трату бюджетных средств. Ирландская и европейская социальная политика сегодня сохраняет лишь свою оболочку, обеспечивая лишь мизерную социальную защиту. При этом общество по-прежнему надеется на возрождение старого социал-демократического проекта с присущим ему благоразумием, социальной защитой и экономически и социально продуктивной деятельностью – подхода, слишком долго маргинализованного в политических дебатах Европейского Союза. ■

Корреспонденцию направляйте Шону О'Риану <Sean.ORiain@nuim.ie>

> В защиту публичной сферы

Мэри П. Коркоран, Национальный университет Ирландии Мэйнут, Ирландия

Одна из сторон нового гражданского общества: участки в окрестностях Дублина. Фотография Мэри Коркоран.

В Ирландии, как и в иных либеральных демократиях, институциональная публичная сфера - в лице предоставляемых государством товаров и услуг, образования и общественных СМИ - переживает не лучшие времена. В то же время, то, что я называю промежуточной публичной сферой - события, проходящие без широкой огласки, деятельность и практики, воплощающие публичность и гражданский дух - все активнее развиваются по мере того, как ирландское общество справляется с годами жесткой экономии. Можно представить себе реформированную Республику, в которой ценности, закрепляющиеся в промежуточной публичной сфере, перекочевывают в институциональную публичную сферу, вынуждая изменять баланс отношений между рынком, государством и гражданским обществом.

Формальная публичная сфера потерпела ряд неудач, лишившись значительной доли материальных ресур-

сов и подвергшись неослабевающей критике. Это результат тридцати лет «частного достатка и общественной запущенности», как сказал бы Д.К. Гэлбрейт. Медики, педагоги и госслужащие - постоянная мишень для нападок политиков, средств массовой информации и защитников частного сектора. Анализ медиа фрейминга государственного сектора, проводившийся Энтони Коули в Ирландии с 2008 по 2010 год, является в этом отношении показательным. Он демонстрирует, что репортажи СМИ представляли государственный сектор в оппозиции к частному сектору, причем первый чаще всего ассоциируется с такими понятиями как «издержка», «бремя» и «расходы», тогда как последний в основном связан с «инвестициями» и «созданием богатства». Мы настолько привыкли к такому полярному восприятию, что такое позиционирование проходит практически незамеченным.

В годы, предшествовавшие кризису, Ирландия претерпела ряд важных ре-

>>

форм финансиализации и маркетинга. Был подорван не только сектор государственных товаров и услуг. Публичным интеллектуалам также становилось все труднее (или, в некоторых случаях, все менее комфортно) находиться в критическом пространстве. Некоторые утверждают, что публичные интеллектуалы недостаточно протестовали против безудержного рыночного фундаментализма, удушающего ирландскую политическую жизнь и культуру. Публичные интеллектуалы внезапно обнаружили, что находятся на вторых ролях по сравнению с говорливыми и ушлыми технократами. Голоса же тех, кто решился говорить, остались без внимания.

В условиях гегемонии католической церкви в практически теократическом (и довольно замкнутом) государстве гражданское общество всегда было относительно слабо развито и страдало от недостатка ресурсов, во всяком случае, по сравнению с другими европейскими странами. В Ирландии и по сей день существуют лишь единичные авторитетные институты, функционирующие за пределами государственной сферы и предоставляющие пространство разработки и защиты ценности «публичного» (вне зависимости от того, идет ли речь об общественных товарах и услугах, публичных интеллектуалах или публичной сфере в наших городах).

И все-таки кризис можно рассматривать в качестве источника новых возможностей. Ирландия переживает период сокращения расходов, политической нестабильности и психосоциальной рефлексии. Мы «проиграли», «выдохлись», утратили свой экономический суверенитет. Но мы также стали крепче и изобретательнее, что наиболее заметно в «промежуточной» публичной жизни в наших городах, селах и районах. Здесь мы находим свидетельства оживления и обновления, того, что люди стремятся к воссоединению со своими публичными, гражданскими и социальными идентичностями посредством участия в ряде повседневных практик в сфере производства и обмена; в партиципаторных, демократических и прямых формах действия; в заметных и виртуальных пространствах. Даже беглый анализ повседневности

демонстрирует наличие «пространств потенциала» в нашей «промежуточной» публичной жизни, часто формируемых снизу, поддерживаемых активными гражданами и подходящих для удовлетворения человеческой потребности в гражданском взаимодействии.

Производственные пространства и пространства обмена, такие как, например, фермерские рынки, в последние годы процветают в городах и прилегающих к ним районах, бросая вызов модели массового потребителя, воссоединяя людей с природой и повышая их осведомленность в вопросах защиты окружающей среды и устойчивого развития. Публичные библиотеки незаметно обновляются с учетом инноваций 21 века и представляют собой выдающийся пример оказания услуг, привязанный к населенному пункту и способный удовлетворять потребности посетителей, будь то ирландцы или иммигранты. Один старший офицер полиции признался, что наиболее интегрированным пространством в Дублине является публичная библиотека в новых пригородах Уэст Дублина.

Есть несметное количество примеров пространств потенциала, основанных на определенном виде деятельности и помогающих оживить публичную сферу благодаря давлению снизу: ежегодный заплыв Лиффи, Дублинский марафон или общественный пляж «Сорок футов» в Южном Дублине. Участие в этих событиях доступно всем, они привлекают представителей всех слоев общества, имеют низкие барьеры для входа и представляют собой общественные выражения нашей (ирландской) страсти к самобичеванию! До 700 фестивалей и других мероприятий ежегодно проводится по всей Ирландии. Эти пространства потенциала, как правило, организовываются с привлечением огромного числа волонтеров и невозможны без значительной доли доброй воли со стороны представителей местных общин. Они напоминают нам об удовольствии, которое можно получать, наслаждаясь искусством, едой, историей, музыкой, литературой и поэзией.

«Промежуточные» пространства включают стихийно открывающиеся художественные галереи, магазины и пер-

формансы (часто в сквотах и покинутых зданиях), флеш-мобы и вновь обретшие популярность гаражные распродажи. Такие импровизированные мероприятия оживляют публичные пространства и заставляют нас пересмотреть некоторые взгляды и практики (все популярнее становится переработка мусора и велосипедный городской транспорт). Виртуальные пространства потенциала работают с помощью компьютерной коммуникации и дарят участникам возможности политической самоорганизации, предпринимательского сбора средств, а также вступления в творческие объединения

Работа Гэльской Атлетической Ассоциации - волонтерской организации, в которую часто обращаются те, кто стремится создать добровольческие общины в пригородах - играет важную роль в укреплении чувства идентичности, принадлежности и общественного контроля. Демократические / партиципаторные пространства включают в себя такие разнообразные инициативы как, например, объединение организаций гражданского общества «Возвращая себе наше будущее», цель которой - исследовать стратегии создания более равноправной, инклюзивной и стабильной Ирландии. К таким инициативам относится проект «Мужская хижина», который предоставляет место встречи мужчин для занятий ремеслами в соответствии с личными предпочтениями. Все эти пространства потенциала являются важными местами гражданской активности, благодаря которым ирландская общественная жизнь оживляется «снизу», а граждане получают возможность лишиться раз убедиться в том, что публичная жизнь не ограничивается экономикой. Все это имеет отношение к обществу. По мере того как эта «промежуточная» общественная жизнь разрастается и распространяется, она приобретает потенциал возвращения себе институциональной публичной сферы в рамках широкого проекта возрождения Республики. ■

Корреспонденцию направляйте Мэри Коркоран <Mary.Corcoran@nuim.ie>

> Женское движение в Ирландии

Полин Каллен, Национальный университет Ирландии в Мэйнуте, Ирландия

К первой волне ирландского женского движения относится полувоенная республиканская женская организация «Куман на мБан» («Совет ирландских женщин»). Во время Пасхального восстания 1916 года ее участницы боролись против британской власти.

Патриархат в Ирландии имеет долгую историю. Но также в этой стране постоянно эволюционирует женское движение. Нынешнему сложному, транснациональному феминизму предшествовал феминизм колониальной эпохи. Первая волна ирландского женского движения относится по времени к середине XIX века. В результате нее право голосовать было закреплено за женщинами в 1918 году, когда Ирландия все еще была частью Британской империи. Феминистки первой волны сыграли роль в националистическом движении, но позднее их требования остались на втором плане, когда создавалась консервативная католическая постколониальная Ирландия. Вторая волна феминизма в 1970-х годах разворачивалась в критический период политического радикализма и консолидации. Были достигнуты значительные успехи в борьбе с

насилием и защите репродуктивных прав женщин. 1980-е годы, напротив, были периодом социального консерватизма, высокого уровня безработицы и эмиграции. В этот период последовала сильная негативная реакция на достижения защитников прав женщин, в том числе Конституцией были запрещены разводы и аборт.

В 1990-х годах в феминистском активизме наступило затишье. Женское движение было децентрализовано и фрагментировано, оно превратилось в сеть локализованных общественных и волонтерских групп. Тем не менее, легализация разводов, декриминализация гомосексуальности и растущая вовлеченность женщин в сферу оплачиваемого труда стали доказательством активности феминисток и свидетельством смены общественных представлений. В

>>

1990-е феминистки сделали публичными множество ранее стигматизированных проблем. Благодаря им была обеспечена государственная поддержка гендерного равенства, легализация контрацепции и финансирование ряда женских служб. Также в этот период в европейских судах велись процессы о репродуктивных правах, что привело к смешанным результатам в отношении конституционных изменений в Ирландии. В результате этой третьей волны возникло движение, которое становится все более профессиональным и интегрируется в форме государственного феминизма.

В связи с экономическим спадом, возрождением католического правого активизма и политикой государственной экономии недавно в ирландском контексте появились новые современные феминистские группы. Ирландская феминистская сеть (IFN), основанная в 2010 году, нацелена на мобилизацию молодых женщин; группы pro-choice продолжают организовывать кампании в поддержку репродуктивных прав – уже не одно поколение феминисток становится политизированным благодаря этой проблеме. Кризис также негативно повлиял на инфраструктуру женских организаций и их способность к действию: было урезано финансирование ряда организаций по гендерному равенству и государственных программ, в том числе программ поддержки женщин и семей. Примечательно, что непропорционально негативное влияние политики государственной экономии на гендерное равенство соседствует с относительно крупными политическими событиями, связанными с феминизмом, включая энергичные протесты против влияния кризиса на гендерное равенство.

Такие глобальные силы, как Великая рецессия и неолиберальный уклон развития Ирландии, несомненно, влекут за собой прямые последствия для ирландок и ирландского феминизма. В то же время роль международных сил в ирландском женском движении является предметом дискуссий: одни авторы считают движение исключительно ирландским, другие же полагают, что оно зависит от международных ресурсов. Европейский союз (ЕС) часто называют важным фактором в ирландской дискуссии о гендерной справедливости. В 1980-х – 1990-х годах на развитие ирландского феминизма оказала действие консервативная реакция на «модернизирующее влияние» ЕС – поправки к законам о разводах и абортах. В последнее время благодаря систематическому учету гендерной проблематики в ЕС и Европейскому суду по правам человека (ЕСПЧ) появились возможности продвижения идей феминизма и парадигмы гендерного равенства. В ирландской гендерной политике сравнения с Европой обеспечили большую легитимность феминисткам, бросающим вызов национальной политике. С другой стороны, разумеется, локальный ирландский феминистский активизм имел решающее значение: европеизация ирландской политики гендерного равенства и значительный прогресс были достигнуты благодаря протестам, лоббированию и судебным разбирательствам. В 2014 году причиной принятия более тридцати ирландских законов, касающихся гендерного равенства, было членство Ирландии в ЕС. ЕС также позволил феминистским группам работать на транснациональном уровне в качестве членов панъев-

ропейских женских организаций, таких как Европейское женское лобби.

Однако ЕС не предлагает универсального решения глубоко укоренившихся в ирландском обществе проблем гендерного неравенства. На европейском уровне политика гендерной справедливости по-прежнему сосредоточена на положении работающих по найму гражданках Европы. Можно утверждать, что сегодня ЕС предлагает меньше возможностей для продвижения гендерного равенства в ирландском контексте, чем раньше, поскольку требование дегендеризации воспроизводится как на национальном, так и на европейском уровнях. В том же направлении действует и неолиберальная политика, ориентированная на соблюдение прав отдельной личности, эффективность организаций и рынков. Она поддерживает стратегию «равных возможностей» индивидов. Неолиберальная политика может нивелировать старые гендерные различия, однако она провоцирует перестройку существующих гендерных отношений, что иногда создает новые трудности для женщин. В случае Ирландии улучшение женского «человеческого капитала» и вовлеченность женщин в оплачиваемую занятость рассматриваются как признаки прогресса. Однако слишком часто социальное воспроизводство, забота, гендерная структурная дискриминация или дисбаланс власти между женщинами и мужчинами остаются за пределами принятых рамочных соглашений.

Ирландские феминистские группы пользуются не только поддержкой ЕС. Они уже давно стремятся оказать давление на ирландское государство с помощью мониторинга выполнения условий международных конвенций ООН, включая Конвенцию по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) и Пекинскую платформу. Отчет Международного комитета по гражданским и политическим правам об Ирландии в 2014 году настоятельно рекомендовал предпринять меры по достижению гендерного равенства и более активной вовлеченности женщин.

Ирландия продолжает занимать низкие позиции с точки зрения представленности женщин в экономике, политике и общественной жизни. Остается актуальной дискуссия о включении женщин в процесс принятия крупных политических и экономических решений. Не менее актуальны призывы к изменению патриархальной политической культуры Ирландии. Тем не менее, успехи ирландской экономики в эпоху «Кельтского тигра» и результаты женского движения открыли новые возможности. Современный ирландский феминизм принимает различные формы; он сложен, адаптивен и многолик. Он характеризуется способностью вступать во взаимодействие с рядом социальных, культурных и политических перспектив. Он переплетается с различными локальными, национальными и транснациональными движениями. Даже на этой сложной почве феминистская политическая активность остается важнейшим фактором реализации гендерного равенства. ■

Корреспонденцию направлять Полин Каллен <Pauline.Cullen@nuim.ie>

> Кельтские связи: глобальные семьи Ирландии

Ребекка Чийоко Кинг-О'Риан, Национальный университет Ирландии Майнут, Ирландия

| Ирландию наполняет Глобальная Любовь.

Некогда известная масштабами эмиграции, Ирландия на настоящий момент представляет собой намного более глобальную нацию, чем ранее, не в последнюю очередь благодаря массовым миграциям 1990х и 2000х. В противовес многим ожиданиям, не все иммигранты, приехавшие в Ирландию во время бума, вернулись «домой» в Польшу и другие страны во время экономического кризиса 2008 года. Действительно, многие остались в стране и завели семьи. Что касается самих ирландцев, то многие из тех, кто покинул страну в 1980х, вернулись в период экономического роста – особенно это касается представителей образованных слоев общества. Они привезли с собой глобальный опыт, иностранных партнеров, детей и транснациональные сети. Все это способствовало превращению Ирландии в один из узлов глобальной коммуникации.

Результаты переписи населения Ирландии показывают, что в 2011 году 17 % ирландского населения родились за пределами страны (что на 25% выше, чем в 2006 г.); 12% жителей Ирландии ответили, что не являются ирландцами. Хотя 85 % населения признали себя белыми и ирландцами, наблюдается также 87-процентный рост

числа населения азиатского некитайского происхождения (в основном, индусов, пакистанцев, филиппинцев), большая часть которого моложе 40 лет. Более полумиллиона (514,068) из 4,5 миллионов ирландцев отметили, что дома они разговаривают на иностранном языке. Неудивительно, что основным иностранным был польский, вслед за ним – французский, литовский и немецкий. Помимо этих демографических изменений, технология открыла дорогу новым транснациональным практикам. Стремительное распространение широкополосного и беспроводного Интернета в Ирландии и за границей означало, что 81% жителей Ирландии получили выход в сеть (ср.с 61% в 2008 г.).

Какие последствия для отношений в ирландском обществе и за его пределами принес такой стремительный рост объема контактов и близких транснациональных связей ирландцев с не-ирландцами?

Семьи – во всем разнообразии форм – стоят на перепутье пересекающихся институтов, формирующих культурное понимание любви и близости, определяя, какая любовь и какая близость являются легитимными. Эти представления зачастую принимают форму репертуаров

>>

эмоционального поведения. Транснациональные семьи и эмоциональные практики становятся все более важным элементом ирландской повседневности. Нам известно из Переписи 2011 года, что существуют смешанные домохозяйства, в которых ирландцы живут с не-ирландцами. Это могут быть члены семьи с разным гражданством (например, рожденные в Ирландии дети родителей, родившихся в Нигерии, или группы друзей из разных стран, живущих под одной крышей в одном домохозяйстве). Некоторые этнические группы особенно часто живут в таких «смешанных» домохозяйствах, особенно выходцы из США (73%), Великобритании (64%) и Нигерии (77%).

По мере углубления этнического и расового разнообразия, роста числа смешанных домохозяйств и разнообразия форм семейной жизни, страна испытала рост семейного мультикультурализма, того, что Ульрих Бек назвал «глобальными семьями». Эти семьи зачастую являются межрасовыми, межкультурными, межконфессиональными и многоязычными, связанными с другими за пределами Ирландии и по всему свету через электронные медиа. 29% Интернет-пользователей в Ирландии в 2012 году отмечали, что пользуются веб-камерами для видеоконференций, создавая и поддерживая транснациональные эмоциональные сети поддержки.

Каким образом эти разнообразные семьи формируют узел социальных сетей, соединяющих Ирландию с миром? Как уже упоминалось, одним из главных проводников транснациональных связей являются не экономические, а эмоциональные и культурные связи, поддерживаемые при помощи цифровых технологий. Использование веб-камер и скайпа позволяет семьям в Ирландии создавать пространства «транснациональной связанности», поддерживая практики принадлежности к разным обществам, разделенным большими темпоральными и географическими расстояниями. Это, в свою очередь, подспудно оказывает влияние на то, каким образом люди производят эмоциональную работу на базе разнообразных платформ (полимедиа) цифровых технологий. Эллиот и Урри утверждают, что рост использования технологии заставил людей «закачивать» свои эмоции в технологические устройства

(например, посредством текстовых сообщений или загрузки фотографий онлайн) для последующего извлечения в любой необходимый момент. «Можно сказать, что индивид занимается «эмоциональным банкингом», накапливая настроения и диспозиции в мире объектов и сохраняя такие аспекты собственного опыта до извлечения для будущих форм символизации и размышления» (Elliott and Urry, *Mobile Lives*, 2010: 39). С помощью постоянной продолжительной интеракции с использованием веб-камеры транснациональные семьи не только осуществляют эмоциональный банкинг, но и вовлекаются в практики, которые я называю «эмоциональным стримингом».

Использование скайпа обеспечивает не только голосовую коммуникацию, включающую небольшой визуальный аспект, когда собеседники находятся перед экраном компьютера и видят друг друга. Продолжительное использование веб-камеры скайпа представляет собой форму «стриминга»: видео или кино онлайн и используется как «окно» в движение, звук и хаос повседневности в течение часов, а не минут. Использование скайпа, иногда ежедневно и в течение продолжительных временных отрезков, с целью поддержания отношений с родными, заставляет пользователей укреплять эмоциональные связи и создавать ощущение принадлежности, несмотря на разделяющие их время и пространство. Использование веб-камеры помогает транснациональным семьям справляться с ограничениями, накладываемыми интенсификацией времени и пространства. Эмоциональные интеракции становятся менее интенсивными, если камера остается включенной в течение всего дня, благодаря чему становится возможной непрерывающаяся интеракция на расстоянии.

Новые домохозяйства Ирландии меняют не только демографическую структуру общества, но и географический охват семьи. С новыми технологиями семьи изменяют то, каким образом ирландцы – и все более разнообразные люди, с которыми они связаны – переживают эмоции и проживают свои частные жизни. ■

Корреспонденцию направляйте Ребекке Кинг-О'Риан <Rebecca.king-oriain@nuim.ie>